

Ана Платэк

Мой
МОЛЧАЛИВЫЙ
БОГ

Ана Платэк

Мой молчаливый Бог

«Автор»

2026

Платэк А.

Мой молчаливый Бог / А. Платэк — «Автор», 2026

"Если бы я мог выразить это словами, не было бы причин рисовать."
Эдвард Хоппер

Содержание

Глава 1 Тоскана. Лукка	5
Глава 2 Спасение	8
Глава 3 Гости	10
Глава 4 Долина	13
Глава 5 Учитель	17
Глава 6 У любви чёрное лицо	20
Глава 7 Решение	25
Глава 8 И снова Рим	29
Глава 9 Выбор	34
Глава 10 Забыться	38
Глава 11 Причина жить	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ана Платэк

Мой молчаливый Бог

Глава 1 Тоскана. Лукка

Если бы я мог выразить это словами, не было бы причин рисовать. – Эдвард Хоппер
Алессио

За мягкой дымкой, стелющейся призрачным покрывалом, плыл багровый горизонт. Кудрявые деревья тянулись к облакам и утопали изумрудными кронами в тумане, как будто их густые шевелюры обмакнули в густые взбитые сливки. Дышалось легко, глубоко и вкусно. Да так, что хотелось с каждым новым вздохом забрать ещё больше кислорода в лёгкие, ещё и ещё. Но увы моё тело не могло принять все запахи и оттенки сразу. Так продумана кем-то человеческая жизнь. До мельчайших деталей, до количества вдохов и выдохов. Ни больше ни меньше.

Я повернул лицо в сторону лёгкого, слегка влажного ветра. Я любил жизнь безмерно. Я мог смотреть, мог дышать и мог быть зрителем этого бесконечного театра энергии и красоты.

Моё имя Алессио Мариани, в моих руках бумажный свёрток с бутылкой любимого вина моей матери, прямиком с винного погреба нашей семейной винодельни, а за плечами рюкзак с красками и любимыми старыми кистями, торчащими из тубуса, как стрелы из колчана. Мне следовало поторопиться, чтобы успеть к ужину, но я как всегда не мог спокойно пройти мимо любимого места на холме нашей виноградной плантации.

Тихо ступая по выжженной солнцем тропе, я неторопливо направлялся к дому. Поместье семьи Мариани было известным на всю округу. Несколько веков оно принадлежало нашей семье, как и плантации виноградников, простирающихся на запад на несколько километров. Вилла была построена моим прапрадедом из жёлтого, будто отлитого из солнца камня. Многоярусная черепичная крыша красного цвета покрывала его от края до края. По стенам вилась виноградная лоза и цветущий плющ, из маленьких трещин в стенах пробивались карликовые розы. Длинная узкая дорога серпантинном спускалась прямо в долину. Многочисленные стволы кипарисов, земляничных деревьев перемежались с нежной оливой. С холма, насколько хватало глаз виднелись лимонные рощи и виноградники, купающиеся в лучах солнца. Если на земле и был рай, то это точно был он. И я был частью этого рая.

На душе теснилась радость вперемешку с еле ощутимым волнением. Завтра наступит день, которого я ждал очень долго. В наши края приезжает известный и очень ценимый мной, художник Армандо Манчини. В моей комнате были развешаны репродукции его самых известных полотен. Никто не рисовал Тоскану так, как синьор Армандо. Живые и пропитанные солнечным теплом работы наполняли мою комнату теплым ветром и запахом олив. И это делало меня вдвойне счастливым. Я преклонялся перед своим учителем, почти как перед Богом. А Боги, как известно не часто спускаются на землю.

С открытой веранды дома, увитой плющом и виноградной лозой, раздавался громкий и нежный голос моей матери. Она была невероятна быстра в движениях и словах. Говорила за всех сразу, если кто-то не успевал сказать своё слово раньше. Я иногда ловил себя на мысли, что она говорила так быстро, потому что я не мог говорить с самого детства. После пожара в доме бабушки я замолчал. Никаких патологий врачи после многочисленных исследований не нашли и списали всё на нервное расстройство. Поэтому моя мама говорила и за меня, и за себя сразу. Как будто чувствовала вину за моё молчание. Конечно же все родные знали язык жестов, и чувствовали мои слова чаще до того, как я успевал их показывать. Матушка могла, не смотря в мои глаза, уловить моё настроение и расслышать немой вопрос. С ней я не чувствовал себя «не таким», меня понимали с каждого несказанного мной полуслова.

- Мне не нужно смотреть на часы, мой мальчик, мне достаточно глупой улыбки, чтобы понять, что ты делал и почему мы тебя ждём вместе с бутылкой уже битый час. Закат снова был очень красив? Каждый краше предыдущего, - улыбнувшись мне, мама повернулась в сторону кухни. Её щёки порозовели от жара старинной каменной печи, из которой она доставала свежее испечённую чиабатту. Разложив хлеб на широком блюде с каймой, украшенной райскими птицами, она вынесла его на террасу.

- Винченсо, зови Микеле за стол, Алессио вернулся, - вытирая руки о белый фартук, синьора Энрика нетерпеливо постукивала красной туфелькой по кремовой плитке котто на полу веранды и смотрела на отца. Широкий дубовый стол был застелен скатертью лимонного цвета. Свежее испечённый хлеб, сыр, вино, овощи и фрукты занимали центр стола. Рубленое мясо с обжаренными овощами и томатный суп были разложены по тарелкам и дымились, распространяя запахи от которых мой желудок свело за секунду.

В семье я был четвертым ребенком, самым младшим. Две мои сестры уже вышли замуж и ждали своих первенцев. После свадьбы они сразу же переехали жить к своим мужьям, также выросшим в старинных итальянских семьях. В отличие от меня, сёстры были идеальным примером для подражания. В меру красивы, в меру умны и очень воспитаны. Идеальные дети.

С родителями остались жить я и мой старший брат Микеле. Брат безумно любил плантацию и имел завидную страсть к виноградникам. Синьор Винченсо гордился им, уж ему то спокойно можно было передать плантацию и идти на заслуженный покой, не боясь, что дело нескольких поколений твоей семьи развалится на глазах. Высокий, с широкими плечами, тонкой талией и мощными руками, Микеле вызывал дикий восторг у местных девушек, которые часто забегали на нашу плантацию «просто поглазеть». Всегда улыбающийся и часто подшучивающий надо мной брат, казалось был счастлив всегда везде и всюду, и непременно просто так, без причины. Жениться он не торопился, и всем девушкам уделял внимание одинаково и с удовольствием.

А что же я? Я был другим. В свои 24 года, закончив художественную школу, я целыми днями рисовал. Конечно же молча. Развивать семейное дело, как и полагается мужчине рода Мариани я был не готов. И дело было не в лени, как вам может показаться. Это просто было не моё. Я всегда помогал, когда была нужна моя помощь, но каждодневный труд на полях и в винодельне делали меня несчастным, я не мог найти себе места и метался из угла в угол. Мои руки каждый миг тянулись к кисти и уединению. В одиночестве я ощущал себя полноценным и здоровым человеком. Родители очень любили меня и принимали моё желание уединиться безоговорочно. И я был благодарен им за это.

Закончив ужинать, мы расслабленно сидели за столом, попивая вино и тихо беседуя. Это было особой традицией. Мама всегда говорила, что рассуждать о важных и не очень важных делах, решать семейные проблемы нужно непременно только на сытый желудок. Поэтому каждый раз после ужина, мы наливали в бокалы вино и обсуждали дела нашей семьи, никуда не торопясь.

- Энрика, сегодня вечером должны привезти свежий сыр. Я попросил синьора Маттео оставить нам побольше кусков. Новые сорта сыра отличные, им пора выходить на более крупный рынок с такой отличной продукцией, а они чего-то ждут. Я знаю откуда тут ноги растут. Это всё супруга Маттео переживает и боится рисковать. А как же без рисков, без них никак в любом бизнесе, - отец вытер капли пота, стекающие со лба, тыльной стороной руки.

- Значит пару ящиков вина завтра утром Микеле завезёт перед работой. Армандо должен приехать после обеда, так что всё успеем, не переживай, - отец приложил салфетку к губам и откинувшись на кресле качалке, вытянув длинные ноги. Синьора Энрика внимательно слушала мужа и что-то мысленно подсчитывала в уме, загибая пальцы на руках.

Принимать гостей на вилле было очень важным и волнительным делом для каждой хозяйки, синьора Энрика не была исключением из правил. Насколько я знал, она вторую ночь не спала, продумывая меню для гостей. Все знали насколько это было важно для хозяйки дома.

Тем более что это были не просто соседи с прилегающих поместий, это был друг семьи и очень уважаемый человек. Художник, профессор в университете искусств, и мой горячо любимый учитель. Ещё в юные годы он заметил во мне страсть к смешиванию красок и попытки перенести окружающий мир на бумагу. Да, я не мог говорить, но в моём сердце бушевал ураган из чувств и эмоций, и я выбрасывал их на холст при любой возможности. Таков был я и мои близкие знали об этом.

Глава 2 Спасение

Наевшись досыта, и поблагодарив матушку, я не спеша поднялся в свою комнату. Закрыв за собой дверь, я на миг замер напротив репродукций Клода Моне. Как много света и воздуха в его работах. И ведь не каждый способен увидеть это в обыденном, не говоря о том, чтобы попытаться это скопировать. От ненавязчивых мыслей меня отвлек приближающийся голос матери.

- Алессио, дорогой, ты здесь? – запыхавшись от подъёма по лестнице, синьора Энрика заглянула в комнату. Непослушный чёрный локон упал на ещё гладкий лоб матери, она быстрым движением руки спрятала его под сетку и продолжила.

- Я хотела поговорить с тобой. Завтра, как ты знаешь, приедет профессор Армандо. Но ты наверняка не слышал, что с ним приедет его дочь, - матушка подняла брови кверху и многозначительно на меня посмотрела.

- Я очень рад, - жестами показал я и мысленно улыбнулся, увидев хитрое выражение лица мамы, еле скрываемое под маской беззаботности.

- Она совсем еще молода, недавно ей исполнился двадцать один год. Учится в парижской школе на дизайнера одежды. Очень хорошая девушка, - сделав небольшую паузу мама разгладила невидимые складки на фартуке.

- Что ж мой хороший, я пойду на кухню, нужно сделать ещё уйму дел, - подойдя ко мне, она нежно меня поцеловала и вышла из комнаты.

- Одень завтра что-нибудь.. из новой одежды. Ты у меня такой красивый мальчик, хочу, чтобы все это видели, - донесся голос из коридора и следом быстро удаляющиеся шаги синьоры Энрики.

- Особенно дочь синьора Армандо, - подумал я, мысленно посмеиваясь над мамой.

Я никогда не видел дочь учителя, и новость о том, что скоро её увижу слегка всколыхнула моё сознание. Во время наших совместных встреч с профессором всегда складывалось так, что его дочь в это время была где-нибудь в отъезде или на учёбе. Она просто где-то была, и я не задумывался встречу ли я её когда-нибудь лично. Пожав плечами, я решил об этом не думать. Всё равно поговорить мы не сможем. Наверняка она не знает язык жестов. Собрав в рюкзак всё необходимое для рисования, я одел шляпу и спустился на улицу. Солнце почти зашло за горизонт, непередаваемые краски полыхали в небе, отражаясь пламенем в траве. Тихо. Любимое время суток, когда наступала тишина и спокойствие.

Спустившись в долину, я не спеша подошёл к лимонной роще и скинул рюкзак с плеча. Мягкая золотая трава окутала мои ноги в кожаных сандалиях. Потянувшись за красками, я услышал шорох неподалёку от себя. Мелькнула мысль, о том, что это всего лишь дикая птица, и я занялся разведением красок, не особо отвлекаясь на шум. Непонятные звуки становились всё громче и громче. Опустив на раскладной столик, который я достал из рюкзака первым, палитру, я решил всё же проверить, что же происходит в нескольких метрах от меня. Любопытство победило.

Осторожно ступая, я пробирался между кронами деревьев и прислушивался к звуку. Вскоре в кустах я увидел рыжий хвост и маленькую лапку. Лисёнок. Ещё несколько шагов и моим глазам предстала не очень весёлая картина. Детёныш лисицы, с чёрными глазками бусинками, с пушистой, местами выдранной шёрсткой, испуганно смотрел на меня. Задняя лапка сломана и вывернута под неестественным углом. Животному было больно и страшно, это видно невооружённым глазом. Бедный лис пытался убежать увидев меня, но из-за сломанной лапы у него мало что вышло.

- Не бойся малыш, - сказал я про себя, мысленно пытаюсь его успокоить.

- Я не сделаю тебе больно, - поразмыслив и вспомнив что в рюкзаке есть небольшая скатерть из льна, я быстро сбегал за ней, и аккуратно приподняв животное, завернул его в ткань. Кажется, сегодня рисовать не получится. Ветеринаров в нашей округе нет, придётся спасать животное своими силами.

Собрав свои вещи одной рукой, я быстрым шагом направился к дому. Бережно прижимая к себе поскуливающего лисёнка, я чувствовал что-то необъяснимо щемящее в груди. Всей душой хотелось избавиться от боли и успокоить несчастное животное.

Бросив рюкзак на террасе, я постучал ладонью по столу, пытаясь привлечь чье-нибудь внимание. Но мама видно была занята на кухне, а отец с Микеле отдыхали в своих комнатах.

Пройдя на кухню, я подошёл к маме и тронул её за плечо,

- Пресвятая Дева Мария, чуть богу душу не отдала, ты чего так крадёшься Алессио? Почему ты пришёл, что случилось?

Обеспокоенный взгляд синьоры Энрики окинул меня с ног до головы и остановился на свёртке в моих руках.

- Это ещё что у тебя?

- Мама, это лис, он ранен. Я нашел его в долине со сломанной лапой.

Эмоционально жестикулируя, я понимал, что мама может понять не всё, что я говорил, как ни удивительно даже руками можно проглатывать слова от волнения.

- Сейчас я принесу аптечку, иди положи его на стол.

Обработав все раны и внимательно осмотрев тело животного, мы по очереди менялись и наконец наложив импровизированную шину на лапу, удовлетворенно уселись пить чай. Лисёнка мама напоила молоком, а я, забрав толстый плед с дивана, положил его у себя в комнате. Устав от бесконечных тисканий и осмотров, рыжий гость уснул мёртвым сном.

- Ему повезло, что ты пошёл рисовать именно туда. До утра мог не протянуть. Дикие звери разорвали бы. - мама отставила чашку и вскочила

- Ох, что же я сию Алессио, надо сходить за вялеными помидорами. Ты не сиди, поднимайся к себе и отдыхай. Ночь уже на дворе. Я сейчас закончу и лягу. Ты только послушай, как твой отец храпит, черепица стучит от такого храпа, - запричитала синьора Энрика с улыбкой на губах.

- Я люблю тебя мама, - подойдя к матери я притянул её к себе и нежно обнял. Она доходила макушкой мне до плеча, и я часто вот так стоял с ней, уткнувшись носом ей в волосы.

- И я люблю тебя сынок. Доброй ночи.

Лежа в своей постели, я долго не мог уснуть. Множество непонятных и беспокойных мыслей роились в голове, не давая покоя. Я ещё долго смотрел на полоску лунного света падающую из окна прямо на хвост лиса, отчего он казался золотым пятном в тёмной комнате. Наконец веки стали тяжелеть, и я провалился в сон.

Глава 3 Гости

Утро ворвалось в голову солнечным шумным пятном. Судя по звукам, доносившимся с первого этажа, родители вовсю готовились к приезду гостей. Громкий быстрый тембр маминго голоса казалось существовал как отдельная от человека живая субстанция, как ветер, который управлял предметами и людьми вокруг себя. Спустив ноги на ковёр у кровати, я посмотрел на пустой плед в углу, ночного гостя здесь уже не было.

Наскоро умывшись и одев хлопковую рубашу серого цвета и светлые брюки, я стремительно сбежал по лестнице вниз, на ходу приглаживая свои кудрявые непослушные волосы.

Увидев родителей, я тут же спросил куда подевался лисёнок.

- Не волнуйся милый, я покормила его, он лежит у нас в спальне, боялась тебя разбудить. Ходить не может, еле встает на здоровые лапы и тут же заваливается, – мама держала в руках поднос с нарезанным сыром и фруктами.

Поднявшись в спальню к родителям, я увидел лисёнка на мягкой подстилке. Он не спал и как будто смотрел куда-то сквозь стену, уткнувшись носом в хвост. Увидев меня, он тихо заскулил и прижал уши к голове.

Медленно подойдя ближе к нему, я осторожно присел рядом и погладил малыша по голове. Какой он удивительно яркий, как солнце. Мне тут же захотелось дать ему имя, которое вертелось огненным шариком у меня на языке. Назову его Винс. В честь такого же пламенно-рыжего человека, чьи полотна я так любил.

Просидев некоторое время с лисёнком, я дал ему привыкнуть к себе, и уходя, повернулся к животному и жестом сказал ему:

- Я твой друг, не нужно меня бояться.

Лисёнок повернул набок свою маленькую голову и удивлённо на меня посмотрел. Первый раз без страха в глазах.

Схватив на лету кусок тёплого хлеба и сыра, я помахал матери и выбежал на улицу. Сегодня работа на плантации отменялась, так как вся семья готовилась к приезду гостей. Под навесом я нашёл свой старый велосипед и запрыгнув на него, выехал на дорогу. К обеду нужно привезти молока и творога с соседней фермы синьоры Беатриче. Если приглядеться, можно увидеть маленькую красную крышу их дома прямо с моего окна. На велосипеде совсем недолго добираться.

Солнце ослепляло, а ветер трепал мои волосы приводя их полный беспорядок. И я был счастлив в эту минуту. Покой и тишина в душе разбавлялись шуршанием камней под колёсами велосипеда и лёгким свистом тёплого ветра в ушах.

Быстро доехав до фермы, я набрал полную сумку продуктов и помахав синьоре рукой, поехал обратно к дому.

- Алессио! – Брат стоял на террасе, и прикрывал глаза от солнца.

- Помоги мне принести стулья и накрыть стол, через пару часов всё должно быть готово. Мне ещё нужно принести вино с погреба.

Небо к обеду стало совсем безоблачным, тёплый ветер теребил края скатерти на столе и свежесрезанные розы в большой вазе.

Я не очень любил суету, поспешив разделаться со всеми делами, я уединился в комнате со своим новым другом. Поглаживая его по мягкой шёрстке, я разглядывал альбом с репродукциями итальянских импрессионистов. Урчание животного было словно музыка для ушей. Кажется, малыш ко мне привыкает, уже и не боится почти. А при виде меня у него начал еле видно подрагивать кончик хвоста. А это что-то да значит.

- Алессио, приведи себя в порядок сынок. Гости скоро будут, - раздался голос матери.

Отложив альбом, я порылся в шкафу и достал белое поло и синие джинсы. Уложив гелем непослушные волосы, я спустился вниз. Вокруг царила суматоха, синьора Энрика расставляла последние блюда на столе, а Микеле с отцом играли в шахматы и громко смеялись. Микеле опять проигрывал, отчего отец без устали над ним подшучивал. Сквозь смех я услышал, как со двора раздался шум подъезжающей машины.

- Приехали, приехали. Мальчики выходим встречать гостей,- мама скинула фартук и поправляя волосы, вышла из дома. Мы всей гурьбой вышли следом за ней.

Из белой машины, стоявшей у крыльца, вышел профессор с широкой улыбкой на лице и раскрытыми объятиями. В лучах солнца его ослепительно белый костюм тройка сверкал как начищенный алмаз. А добрейшая улыбка и очки на кончике носа мигом вернули меня в детство, когда я часами просиживал рядом с профессором, слушая его рассказы о художниках.

- Моя прекрасная Энрика, ты хорошеешь с каждым днём всё больше и больше, ну как перед тобой устоять, - синьор Армандо нежно обнял матушку и поцеловал её руки, при этом бережно придерживая за плечи, как юную девушку.

- Армандо, старый льстец, давно тебя не видели, очень рады,- отец подошёл к гостю и крепко его обнял. Вскоре взгляд учителя остановился на мне.

- Алессио, парень, как же ты вырос, подойди же я на тебя посмотрю,- взяв меня за руку профессор оглядел меня с ног до головы и крепко обнял, бережно похлопывая по спине.

Задняя дверь машины открылась и из неё вышла молодая девушка в светло-голубом платье. На лице читалась неловкость и лёгкое стеснение.

- Ребята наверно и не помнят мою дочь, по сколько вам было, когда вы виделись? Лет по пять, да Энрика? Снова придётся вас знакомить. Это моя дочь Альда, - профессор взял девушку за руку и провёл её вперёд. На лице мужчины сияла гордость и нежность.

- Красавица, вся в свою мать, - Синьора Энрика торопливо подошла к девушке и порывисто её обняла. Кажется, Альду немного смутила страстная натура матушки. Ничего, скоро привыкнет.

- Этот чудесный парень с кудрявой чёлкой – Алессио, мой ученик, я тебе часто о нём говорил.

Взгляд золотисто-карих глаз остановился на мне. Я кивнул ей и улыбнулся.

- А этот сорванец - Микеле, старший брат Алессио, посмотри, как они похожи.

Поздоровавшись и обнявшись со всеми членами семьи, гости прошли следом за хозяевами в дом. Родители не умолкая расспрашивали профессора о том, как прошла их дорога, как погода в Риме и как долго они смогут у нас погостить.

Я слегка отстал от толпы и шёл самым последним. Впрочем как и всегда. Мой взгляд всё время возвращался к идущей впереди меня девушке, Микеле о чём-то оживлённо разговаривал с ней, идя рядом. Неожиданно я услышал своё имя, кажется она спросила обо мне. Брат ей что-то ответил и она, слегка повернув голову посмотрела на меня. Наверно её удивило, что я не проронил ни слова, и Микеле сказал ей, что объяснятся я могу только жестами.

В очередной раз я почувствовал себя каким-то ущербным и неловким. Никто и никогда в моей семье не давал мне чувство того что я неполноценный, но почему-то сейчас увидев её взгляд я ощутил себя именно таким. Как будто в её глазах я должен был быть совершенным и идеальным абсолютно во всём. Под стать ей. Девушка была невероятно красива. В ней чувствовалась порода. Волосы цвета тёмного дуба падали волнами на спину и переливались на солнце, как вода в озере. Оливкового цвета кожа, большие миндалевидные глаза и пухлые губы идеальной формы.

- Невероятное лицо, - подумал я, и в мыслях мелькнуло желание нарисовать её образ. Пока она ещё здесь это могло быть возможным. Это желание схватить увиденную мной красоту и запечатлеть её пока она перед глазами, порой походило на помешательство. Бывало, что просто по пути, увидев что-то особенное, я бросал свои вещи и садился рисовать, трясущи-

мися руками разводя краски. В такие моменты я боялся опоздать, не успеть запомнить то что меня поразило. Я совсем не доверял своей памяти. Ни на минуту.

Синьора Энрика радушно показала гостям их комнаты и пригласила к столу.

Нас с Микеле посадили напротив Альды и профессора, родители сели во главе стола.

- Дорогая Энрика, ты как всегда постаралась на славу, мы дико голодны с дороги, Альда посмотри какая красота на столе. И ведь продукты все местные, с этой плодородной земли. Так, а где же ваше прекрасное вино? – профессор подмигнул отцу и поднял свой пустой бокал.

- Армандо подставляй скорее, лучшая бутылка с погреба для моего дорогого гостя, ящик специально для тебя стоит в кладовой, заберёшь с собой в Рим. Там такого вина ты не найдёшь, - отец разлил по бокалам вино, и мы дружно выпили за встречу.

За всей этой болтовнёй я изредка поднимал глаза и смотрел на девушку. Она аккуратно ела и спокойно отвечала на вопросы, которыми засыпали её мои родители. Когда я опускал глаза в тарелку, тут же чувствовал на себе её изучающий взгляд.

- Алессио, мне не терпится посмотреть твои новые работы и обсудить их. Кстати я привёз тебе подарок, замечательнейший мольберт и кисти, - профессор посмотрел на меня ласково и подмигнул мне.

- Спасибо синьор, я ждал с нетерпением вашего приезда, - сказал я, жестикулируя. Повернувшись я наткнулся на взгляд Альды и почувствовал себя неловко, мне показалось, она посмотрела на меня как на какую-то диковинную зверюшку.

Остаток обеда я не поднимал взгляд от тарелки, и как только мы закончили, и гости разошлись отдыхать по своим комнатам, я поднялся к себе, закрыл дверь, сел на край кровати и выдохнул. Мне всегда тяжело давалось знакомство с новыми людьми. Чувство неловкости от того что я не мог выразить свои мысли словами, заполняло меня до краёв. Именно поэтому после обучения я сразу вернулся домой, даже не пытаясь задержаться в шумном городе. Я думаю, ни Рим, ни люди, живущие в нём, ничего от этого не потеряли.

Покормив лисёнка, я сел за свой стол и достал приготовленную заранее папку с моими рисунками. Следовало лечь и отдохнуть, но я с нетерпением ждал разговора с профессором. Полтора года он не приезжал к нам, последний раз я видел его в Риме, когда, закончив обучение собирался уезжать.

Взяв альбом с репродукциями, я упал на кровать и открыв его продолжил разглядывать рисунки. Но мои мысли постоянно возвращались к дочери профессора. Её лицо взволновало меня и вызвало непонятное мне чувство в сердце. Отбросив альбом, я зарыл пальцы в волосы и уставился в потолок. Ничего особенного я в нём не увидел, обычный белый потолок, но сейчас он казался совсем другим.

Глава 4 Долина

Приближалось моё любимое время суток, ближе к вечеру я всегда ходил рисовать. Надев шляпу и прихватив рюкзак, я погладил лисёнка, который уткнулся мокрым носом в мою ладонь и шустро завилял своим пушистым хвостом, подметая им всё вокруг себя.

Спустившись вниз я увидел отца и профессора, пившими чай на террасе.

- Алессио, мальчик мой, ты пошёл рисовать в долину?

Я утвердительно кивнул и помахал им рукой.

- Сынок подожди, возьми с собой Альду, она как раз хотела прогуляться, - профессор встал и зашёл в дом, выкрикнув имя дочери

Я снял шляпу, положил её на стол и уселся в кресло, кинув рюкзак к ногам. Дневная жара почти спала, и запахи трав и цветов, приносимые ветром с полей, стали лучше ощущаться.

Спустя несколько минут девушка вышла на террасу, на ней были льняные брюки и блузка с открытой спиной, а на голове она придерживала шляпу с широкой голубой лентой.

- Привет, - Альда подошла ко мне и мягко улыбнулась.

Я улыбнулся ей в ответ и сделал знак мужчинам, что мы уходим. Профессор давно уже изучил язык немых, в своё время мы много занимались живописью, и он постепенно стал понимать всё, что я говорю. Но Альда, судя по всему языка не знала и чувствовала себя неловко, когда я что-то говорил. Она с нескрываемым любопытством смотрела на мои руки и губы и пыталась хоть что-то понять.

Солнце клонилось к закату, цветы в округе тонули в тёплом розовом свете, пахло земляникой и лимоном. Я медленно шёл, засунув руки в карманы брюк. Девушка старалась не отставать, хоть и останавливалась каждую минуту чтобы что-то рассмотреть и потрогать.

- Здесь очень красиво, - немного помолчав сказала она, - В большом городе забываешь о том, как хорошо в таких отдалённых уголках, где почти никого нет и тихо так, что можно услышать стук собственного сердца. Боже, какие прекрасные цветы, очень необычный цвет.

Девушка пыталась заполнить каждую секунду тишины словами. Как будто она давила на неё. Поэтому и говорила без остановки. И я понимал почему.

Когда я учился в Риме один знакомый парень с моего курса, сидя со мной холодным вечером за бутылкой вина и мольбертом, рассказал, что он испытывал, находясь рядом со мной:

- «Я не знаю почему, Алессио, но тишина рядом с человеком, который не может сказать ни слова, очень тяжёлая. Это не та тишина, когда ты один, или когда рядом с тобой тот, кому нечего сказать. Это не так просто. Я хочу, чтобы ты знал и понимал людей, которые в разное время оказываются рядом. Я знаю, что тебе порой действительно трудно молчать, но не только тебе. Поэтому не удивляйся, когда человек рядом с тобой начинает много болтать, ему просто страшно. Он боится этой тишины. Она подавляет. И не так просто научиться с этим жить.»

Вот и сейчас я наблюдал эту тихую панику в глазах девушки. Она боялась меня.

Достав из рюкзака телефон, я набрал текст и протянул Альде.

- «Эти розы посадила моя бабушка, у них острые шипы, не порань руки.»

Прочитав это девушка как будто выдохнула с облегчением

- Спасибо что предупредил, пойдём дальше?

Я кивнул и двинулся в сторону пруда в долине. Я подумал о том, что госте нужно показать не только землю, но и воду.

Лёгкий тёплый ветер играл с волосами девушки, и запах её волос щекотал мне ноздри, разливаясь приятным теплом в груди. От резкого порыва ветра шляпка слетела с головы Альды и полетела вперёд.

Я, не раздумывая, сорвался с места и побежал, пытаюсь поймать её, на краю долины мне наконец удалось опередить эту невидимую гонку с ветром и она оказалась в моих руках. Я

повернулся к девушке и отряхнув шляпу протянул её ей. Взяв шляпку, Альда бросила взгляд за моё плечо и замерла.

- Боже, это прекрасно, только посмотри...

Я знал, что она увидела. Это было моё самое любимое место на плантации. Мы стояли на возвышении у старого лимонного дерева, а внизу открывалась долина, заполненная до краёв солнцем, цветами и всеми возможными красками, и оттенками. Чтобы навести похожие тона в своей палитре я тратил много сил времени, в реальности это возникало из воздуха, или сочи-лось с неба, меняясь от одного цвета к другому за доли секунд. Вдалеке сверкало озеро, как новенькое зеркало под лучами солнца.

Я с гордостью посмотрел на девушку. Словно я сам был создателем этих чудес.

Перехватив мой взгляд, она засмеялась.

- Здесь ты рисуешь, да? Я бы хотела посмотреть твои работы, ты же покажешь мне их, Алессио?

Я медленно кивнул и достав телефон, набрал текст

- «Пойдём к озеру?»

Прочитав, девушка закивала и пошла вперёд, её щёчки порозовели, а дыхание стало уча-щенным.

Спустя десятки земляничных деревьев, роз, и олив мы наконец вышли к озеру. Девушка сняла с себя шляпу и бросила её на траву. Потянувшись и разведя руки в стороны, она подста-вила лицо солнцу и глубоко вздохнула.

- Я хочу пройти вдоль озера, ты не против? – она посмотрела на меня, прикрыв ладо-шкой глаза.

Я кивнул и улыбнулся. В молчании мы пошли вдоль воды, любясь золотистой рябью на водной глади. Подойдя к самому краю воды, девушка как будто застыла.

- Я очень люблю воду, - прошептала она и снова замолчала.

Она присела у кромки воды и тонкой ладонью слегка коснулась маленьких волн, как будто гладила голову ребёнка. Из проплывающего облака резко вырвался луч солнца и забился бликами на её лице.

- Коснись пальцами, только слегка, не погружая руку в воду, как я, - в ожидании она посмотрела на меня.

Я присел рядом и повторил её движения.

- Чувствуешь? Как будто энергия переходит в кончики пальцев и заполняет тебя?

Я кивнул, ощущения правда были похожи. Или всё дело в ней? Вода отразилась в её прекрасных глазах и заполнила их до краёв.

Если бы я мог говорить... Из груди вырывались тихие, еле слышные хрипы. Нутро тре-щало по швам от охвативших меня чувств. Первый раз в жизни я по-настоящему пожалел, что не могу выпустить из груди слова, за секунду упавшие на сердце, тяжёлым неподъёмным камнем.

Я хотел говорить. Сейчас... Здесь... Говорить, говорить, говорить с НЕЙ. Как будто пить захлёб ледяную воду с чистейшего девственного ручья после столетней засухи.

- Алессио, ты хотел порисовать, можно я сяду рядом и буду смотреть?

Я кивнул. Чтобы успеть нарисовать хоть часть картины, нужно было начинать именно сейчас. Солнце вскоре склонится к закату.

Разложив мольберт, краски и кисти я надвинул шляпу на глаза. Девушка присела рядом на заранее расстеленное мной покрывало.

- Маленькая, я очень любила смотреть за тем как отец пишет картины. Один раз, когда он отвернулся, я залезла пальцами в краску и попыталась сделать его рисунок лучше, там было что-то вроде городского пейзажа, мне показалось это очень скучным. И я нарисовала хрюшку и кота. По-моему, это был Париж. Представляешь на улице Парижа гуляющую свинью. Ох и

влетело мне тогда от него, - девушка посмотрела на меня, и мы засмеялись. Смех её был похож на трель звонкого соловья. Я же смеялся беззвучно.

Сосредоточившись, я на некоторое время забыл о присутствии девушки. Уйдя в себя, я начал делать наброски, а затем остановился. Чего-то не хватало. Взяв в руки телефон, я быстро набрал текст и повернувшись к девушке показал ей экран.

- «Можно тебя нарисовать?»

Смесь удивления и нерешительности появилась на её лице на несколько секунд. Прикусив губу, она посмотрела на озеро, а затем на меня.

- Хорошо, - от её улыбки на щеках появились ямочки, которых я раньше не замечал.

- «Сядь пожалуйста у озера, я сейчас постелю тебе покрывало поближе.»

Прочитав то что, я написал, она кивнула и встала, разглаживая брюки.

Быстро расстелив покрывало, я жестом показал ей сесть. Легко коснувшись её тонкой руки, я положил её ей на колени, за спиной девушки рос большой куст белых роз, показав, как ей стоит повернуть голову, я слегка отклонил её плечи назад и несколько цветков коснулись тонкой шеи девушки. Удовлетворенно осмотрев представшую моему взгляду картину, я сел за мольберт.

Альда видимо позировала не первый раз. Ничего удивительного, ведь она была дочерью художника. Слегка опираясь на левую руку, она сидела в пол оборота, и смотрела на озеро. Её изящный профиль и тонкий нос вызвали восхищение в моей душе. Чего-то не хватало, и я знал чего.

Набросав сообщение на телефоне, я показал девушке.

- «Я отойду на минуту, мне нужно кое-что взять. Подожди меня пожалуйста и не вставай. И очень прошу не вздумай нарисовать на холсте хрюшек.»

Звонкий смех раздался в тишине

- Я обещаю Алессио, не сдвинусь с этого места.

Забежав в рощу, я отломал несколько ветвей оливы и вернулся обратно. Положив их на колени девушки, я наконец сел за холст и начал рисовать.

Солнце висело в небе и походило на назревший апельсин, румянец на щеках девушки перемешивался с закатными бликами, делая её лицо бронзовым.

Спустя какое-то время, как будто очнувшись, я увидел, как рука девушки, на которую она опиралась, слегка подрагивает. Взглянув на экран телефона, я понял, что прошло два часа и Альда конечно же устала. Набросок я закончил, больше мучить девушку не хотелось.

Встав из-за мольберта, я подошёл к ней и показал жестом, что можно собираться. Альда ни слова ни сказала о том, что устала. Вытянувшись во весь рост, она помассировала руки и глубоко выдохнула.

- Это была чудесная прогулка Алессио, спасибо.

Я посмотрел в её глаза и наклонил голову. Мне не хотелось уходить, я хотел остаться с ней наедине как можно дольше. Как голодный зверь, не евший неделями я испытывал дрожь по всему телу. Но я хотел не еды, я жаждал её присутствия рядом. Девушка странно посмотрела на меня и начала складывать покрывало.

Я же, не торопясь собрал все вещи, уложив в свой рюкзак. Затем кивнул девушке, показывая, что мы можем идти домой.

Обратный путь мы провели в полной тишине. Или Альда устала, или задумалась о чём-то своём, но до самого дома я больше не услышал её голос ни разу.

- Дети пришли наконец, - синьора Энрика всплеснув руками выбежала нас встречать.

- Алессио, вас не было очень долго, я уже подумала не успеете к ужину. Альда, дочка ты наверняка очень устала? Обувь у тебя не совсем удобная, надо было тебе дать что-то получше, а я не уследила. Мой сын может сутками ходить по долине, для него это дело привычки, а вот тебе это в новинку, правда?

Девушка скромно улыбнулась, показывая свои ямочки на щеках.

- Всё в порядке синьора, мы отлично прогулялись, у вас здесь очень красиво, я под впечатлением.

- А под каким ты будешь впечатлением от моей пасты, дорогая! Идите скорее мыть руки и будем садиться за стол.

Мамино радушие окутывало всех кто был рядом с ней.. Из дома раздавался раскатистый смех профессора и отца, Микеле вынес на террасу два стула и недовольно на меня посмотрел. Я понял почему. Ему не понравилось, что девушка столько времени провела в моём обществе, хотя он планировал устроить ей экскурсию к нашим винным погребам. Неужто это ревность? Брат привык, что местные итальянки кружились вокруг него стаями, а тут такая красавица и где-то ходит с его немым братом.

Наскоро приведя себя в порядок и переодевшись, мы уселись за стол, который просто ломился от еды. Синьора Энрика и вправду приготовила своё фирменное блюдо под лучшее белое вино с нашей винодельни. Альда по-прежнему сидела напротив нас с братом и попробовав еду, не удержалась от восхищенного вздоха и комплиментов в сторону золотых рук моей матушки.

- Алессио, сынок, завтра Микеле с Альдой и Винченсо отправятся на плантацию. Я что-то слишком стар для таких прогулок под палящим солнцем, поэтому никуда не убегай с утра, позанимаемся и обсудим твои работы.

Профессор поднял бокал вина над головой и отсалютовал мне.

Я не сдержал счастливой улыбки, благодарно кивнув профессору.

- Я видела в вашем доме лисёнка, думала мне померещилось, но нет. Он бегал по кухне и вилял хвостом, как самый настоящий пёс, - голос Альды был полон восторга и детской радости.

- Алессио на днях нашёл его в долине со сломанной лапой, сердце у моего мальчика глубоекое и тёплое, прибежал с ним на руках, замотанным в покрывало, а у самого слёзы на глазах. Только поставили на ноги, хромота правда ещё, - мама погладила меня по руке и подлила вина в мой бокал.

- Он даже имя дал бедному животному, - Микеле засмеялся и покосился на меня

- Да? И какое же? - Альда со смехом посмотрела на меня

- Винс, - ответил за меня брат.

Профессор засмеялся, услышав Микеле.

- Тут и гадать не нужно в честь кого назвал да? Одобряю, одобряю

В весёлых слегка хмельных глазах профессора плясали огоньки.

- Кстати я привёз тебе пару замечательных репродукций Ван Гога, думаю, как истинный поклонник ты оценишь. И лису своему непременно покажи, ему должно понравиться творчество тёзки.

Мы еще долго сидели за столом, шутили, смеялись, выпили много вина, съели всю мамину пасту подчистую и разошлись по комнатам. Ночь опустилась на землю тёплым сверкающим одеялом. И не смотря на бурю эмоций в душе, уснул я быстрым и глубоким сном.

Глава 5 Учитель

Что-то горячее и мокрое ткнулось мне в руку, потом ещё и ещё, по лицу начали проводить чем-то большим и мохнатым, сквозь сон я начал размахивать руками и резко подскочил в кровати.

Наглый маленький лис забрался в мою постель и с тихим скулением бил своим хвостом по моему лицу. Вот же чудо рыжее. Сквозь шторы пробивался солнечный луч и кусок синего неба.

Потянувшись во весь рост, я направился в ванную. Постояв несколько минут под ледяным душем, я почувствовал себя вполне бодро, несмотря на то, что спал беспокойным сном почти всю ночь. Расчесав волосы пальцами на ходу, я сбежал с лестницы и оказался на освещенной солнцем кухне. В тёплом воздухе плыл терпкий запах кофе и бекона.

- Доброе утро сынок, - матушка, привстав на цыпочки поцеловала меня в лоб, - присаживайся к столу, вот твой завтрак. Гости встали сегодня очень рано, позавтракали и Альда уехала на плантацию с твоим отцом и братом. Синьор Армандо на террасе пьёт кофе и читает газету. Ступай к нему, он тебя ждёт.

Кивнув и поблагодарив матушку, я приступил к завтраку. День обещал быть жарким, на кухне было душно, несмотря на совсем ещё не позднее утро.

После завтрака я покормил своего пушистого друга и вышел на террасу. Профессор сидел в плетёном кресле вытянув ноги, его светлую льняную рубашу трепал легкий ветер, на глаза была надвинута широкополая белая шляпа, раскрытая газета лежала на краю стола и ветер тихо перелистывал её страницы.

Отодвинув стул, я сел рядом с ним и также вытянул ноги. Слегка приподняв пальцем край шляпы, учитель взглянул на меня одним глазом.

- Доброе утро мальчик мой. Как спалось?

- «Замечательно», - ответил я

- Сегодня будет прекрасный день, я уже это вижу. Не хочу проводить нашу беседу в стенах дома, предлагаю сходить на озеро. Возьми с собой все новые работы и инструменты. А я спрошу у твоей матушки корзину для пикника, на обед мы скорее всего не успеем, этот бодрящий свежий воздух каждый час пробуждает во мне зверский аппетит, - похлопав меня по плечу, профессор прошёл на кухню.

День сегодня и правда был хорош, я шёл рядом с учителем, всё во мне пело и ликовало. Синьор Армандо был расслаблен и наслаждался здешним воздухом, глубоко и шумно дыша.

- Ты знаешь, после большого города, с тысячами машин этот запах мне кажется пищей богов. Хочется порезать и положить на золотое блюдо. Может быть глупый вопрос, но всё же. Ты не скучаешь по городу?

- «Нет» - ответил я, - «вы же знаете, как тяжело далась мне эта учёба».

- Помню мальчик мой. Я помню, что среди людей ты так и не смог найти своё место. Но я считаю, что ты можешь больше. Я не раз тебе об этом говорил.

Немного помолчав, он продолжил:

- Может тебе это покажется странным, но ты напоминаешь мне самого себя, лет этак двадцать назад. Да, конечно у меня не было проблем с речью, и я никогда не чувствовал себя чужим в обществе. Но после смерти жены всё поменялось. Всё встало с ног на голову всего за один день. Именно с того момента я стал писать картины как сумасшедший. Ушёл в себя. Живопись стала для меня пластырем, который закрывал огромный шрам размером с меня самого. И, знаешь, мне помогло. Этот пластырь стал новой кожей. И я выжил.

С этими словами синьор Армандо встал, прислонившись к дубу на краю холма. Перед нашим взором как на ладони сияло буйство красок и света.

- Замечательно... – профессор повернулся ко мне, засунув руки в карманы. Его изучающий, задумчивый взгляд прошёл по моему лицу, рукам и остановился на лимонном дереве за моей спиной.

- Я знаю, что ты мучаешься из-за того, что не такой как все. Хотя и тщательно скрываешь это. Ты думаешь тебе нечего сказать этому миру, потому что ты не умеешь говорить? – он улыбнулся, наклонив голову набок, и посмотрел мне в глаза. Я был сбит с толку этим вопросом, и как выброшенная на берег рыба быстро дышал, смотря вокруг себя, лишь бы не видеть взгляд учителя.

- Алессио, ты должен понять самое главное. Если ты обретёшь голос, ты не станешь таким, каким тебя хотят видеть окружающие, по твоему мнению. На последних словах учитель сделал ударение. Потому как языком управляет это – профессор тронул пальцем мою голову, - и это, - теперь его рука лежала на моей груди. Его ладонь была тяжёлой и тёплой.

- Именно это отличает тебя от многих других людей. И когда ты начнёшь говорить, это будет заметно ещё больше чем сейчас...

Немного помолчав, учитель взглянул на небо.

- Солнце смотрит на нас прямо в макушку, пойдём к озеру, скоро настанет время теней, - синьор Армандо выдохнул и с удивительной для своего возраста сноровкой спрыгнул с холма и пошёл вниз по тропинке.

Я улыбнулся. Время теней, как называл их профессор, было любимейшим для нас явлением солнечного дня, когда солнце переваливало за полдень, и на земле отражались блики от листьев и цветов. Свет и тень лучшие учителя и создатели, говорил он. И я был с ним полностью согласен.

Спустя некоторое время мы сидели с профессором на берегу озера. На большом покрывале я разложил свои последние работы и с волнением наблюдал как синьор Армандо, водрузив на нос очки в золотой оправе, внимательно рассматривал каждую.

- Ты начал писать портреты, похвально мой мальчик.

Показывая на лист, я начал объяснять:

- «Это наш садовник Альберто, вы его наверняка видели. Его жена ушла от него, забрав вместе с собой дочь. И он приехал к нам, как старый знакомый отца. Уже больше десяти лет живёт с нами. У Альберто самые лучшие розы в Лукке.

- И очень мудрые глаза? – приспустив очки на нос, профессор пристально посмотрел на меня, - ты хорошо нарисовал морщины на лице, особенно возле глаз, сделал правильные оттенки. А что с его рукой?

На картине одна рука мужчины висела безвольной плетью вдоль тела.

- Обварил в кипятке по молодости, она почти не рабочая. Весь сад держится на одной его правой руке.

Отложив очки в сторону, синьор Армандо потёр переносицу и замолчал.

- Я не буду больше учить тебя сынок, с твоей техникой всё в порядке. Теперь ты единственный создатель и судья того, что выходит из твоего сердца и из-под твоей руки. Ты обличаешь это в формы и наполняешь цветами. Чему я мог тебя научить, тому уже научил. Ты черпаешь от природы всевозможные человеческие эмоции. Так как получает их обычный человек, проживая свою жизнь и встречая людей, любя, ненавидя, и обожествляя их. А ты видишь это в рассветах и закатах, в цветах и тумане. Всё вокруг тебя как одна большая пульсирующая вена, из которой ты выжимаешь жизнь по капле и сам живёшь этим, - учитель снова взглянул на портрет.

- Я вижу тебя самого через твои рисунки. Не факт, что именно с этими эмоциями на лице ваш садовник ухаживает за розами. Но ты проник в его душу, когда писал этот портрет, достал из него это, вытянул и бросил на лист. И знаешь о чём я думаю? Увижу ли я этот взгляд на его

лице, когда посмотрю сам в эти глаза? Мне кажется я даже расстроюсь и буду обескуражен, если этого не случится.

- «Почему?» - спросил я

- Потому что я пойму, что не могу увидеть настолько глубоко душу человека, как это способен видеть ты. Это странно звучит да? Но именно это и есть наивысшая похвала для художника. Это дар. Дар не просто хорошо рисовать, соблюдая все правила и художественные нормы, дар - видеть то, чего не видят другие, и позволять увидеть это другим через свои творения. Ты как бы говоришь своими рисунками: Ты не видел этого? Тогда я тебе покажу.

Профессор на минуту замолчал,

- А розы у вас и правда шикарные, мой садовник бы восхитился. Он и с двумя руками еле справляется.

Следующие несколько часов мы говорили обо всём и ни о чём. Я сделал набросок пейзажа вместе с учителем, и мы с удовольствием поели булочки с сыром, запивая их вином.

- Когда совершенно выбьюсь из сил, перееду жить к вам. Лучшего окончания жизни и не придумать, - проговорил синьор Армандо на обратной дороге к дому, - дочь сперва следует выдать замуж и дожждаться внуков. У тебя нет девушки Алессио? Твоё сердце покорила какая-нибудь из местных знойных красавиц?

- «Нет, я как-то не думаю об этом.»

Профессор лукаво на меня взглянул и начал что-то тихо напевать себе под нос.

Глава 6 У любви чёрное лицо

Дом встретил нас тишиной и спокойствием. Альда сидела на террасе в лёгком белом сарафане и пила холодный лимонад с высокого запотевшего стакана. Рядом с ней сидел Микеле, небрежно расставив ноги с книгой в руках.

- Ну как вы прогулялись дорогая? - профессор ласково поцеловал девушку в лоб и присел рядом с ней.

- Чудесно папа, только я очень устала, весь день провели на ногах. Конечно я не увидела плантацию целиком, она просто огромная. И погребов меня очень удивили. Ты видел какие там огромные бочки? И этот запах сырости и дуба... Мы недавно вернулись, я совсем без ног. Микеле решил прочитать мне немного о технологии изготовления вин. Ленивое образование, – девушка улыбнулась, обнажив острые зубки.

- Ты очень старательно слушаешь, но твои глаза закрываются каждую минуту, не думай, что я не заметил, - брат прищурился и с улыбкой посмотрел на девушку.

Скинув рюкзак на пол, я встал в тени, прислонившись к колонне. Взгляды Микеле, изредка бросаемые в сторону девушки я заметил сразу, и мне это не понравилось. На миг я встретился глазами с братом и он, подмигнув мне, усмехнулся, будто прочитал мои мысли.

- Так молодёжь, расходимся. Я с непривычки чувствую каждую мышцу в теле, умотал Алессио старика. Нужно отдохнуть, тебе милая это тоже не повредит. Теперь ты всё знаешь о вине, будешь моим личным консультантом при выборе вин, и может быть даже, я буду тебе за это платить - профессор засмеялся и обняв дочь за плечи, вошёл в дом.

Мы остались с Микеле наедине. Он молчал, смотря вслед ушедшим. Затем встал и слегка толкнув меня плечом, сказал

- Я думаю, девушкам больше нравится вино чем картины, Алессио. Учись у меня, как нужно привлекать внимание женщин.

Засмеявшись, он похлопал меня по плечу и прошёл в дом. Сжав зубы, я снял шляпу с головы и пошёл вслед за ним.

Поднимаясь по лестнице в свою комнату, я ощущал непривычный мне прилив злости. Хотелось крушить, рвать и метать. Скинув с себя вещи, я быстро зашёл в душ и включил ледяную воду.

Повернувшись к стене, облокотился на неё руками и наклонил голову, вода бежала по лицу нескончаемым потоком. Я не чувствовал холода и будто не дышал. Что со мной? Почему я не могу успокоить эту бурю внутри? Что не так?

Всю мою жизнь главной проблемой для меня было то, что я не мог говорить. И поэтому я был изгоем среди своих сверстников. Сначала в школе, потом в университете. Перешёптывания и обсуждения за спиной преследовали меня всегда. В школе надо мной издевались с удовольствием, потому что знали, ответить я не смогу. Гора невысказанных слов за то время скопилась в моей душе, и чуть не похоронила меня под собой. Это продолжалось долго, но однажды я сорвался, не выдержал. В тот день мой обидчик после удара об стену очень долго собирал трясушимися руками по полу свои зубы.

Больше ко мне никто не подходил, нет, они не стали бояться меня. Они просто поняли, что я ещё больший чудак, чем они думали, и с головой у меня явно не порядок.

Окончательно остыв и замёрзнув, я вышел из душа, и обернул полотенце вокруг бёдер. В задумчивости встав посреди комнаты я поймал свой взгляд в отражении зеркала и подошёл к нему ближе. Был ли я красив? Впервые я подумал об этом, глядя на своё отражение. Смуглая кожа, чёрные глаза, полные губы и шрам на подбородке. Широкие плечи, крепкое телосложение дались мне от природы, как и непослушные волнистые волосы, спадавшие на лоб волнистыми прядями. Мои волосы моё мучение и наказание. Они словно жили по своим законам и

ложились так как это нужно было им, а не мне. Такие же непослушные локоны были у моей матушки. Но ей было проще, она заплетала свою гриву в косы и собирала их под сеткой, мне бы такая причёска явно не пошла.

Натянув спортивные брюки и чёрную футболку, я посмотрел на лист, выбивающийся из папки, лежащей на столе. Вытянув его за кончик, я стал рассматривать набросок портрета Альды, нужно его быстрее закончить. Капля воды с мокрых волос соскользнула и упала на лист. Большим пальцем убрав воду я поднял голову и посмотрел в окно. Я никогда не задвигал шторы, любил открытые окна. Без солнца жизнь казалось серой, потерянной и безликой. Мне всегда нужен был свет, он освещал самые тёмные углы моей молчаливой души, хоть как-то меня с ними примиряя.

Схватив со стола телефон, я сел на кровать и откинулся на спину. Разблокировав экран, я стал просматривать фотографии Альды. На прогулке, незаметно от неё, я сделал несколько снимков. Зачем? Да, я задал себе этот вопрос. И тут же ответил: чтобы закончить портрет. Мне нужно видеть черты её лица, хотя я боялся признаться самому себе, что стоит мне только закрыть глаза как я вижу каждую чёрточку её лица, как будто она сидит прямо передо мной.

Зарывшись в подушку, я пытался усмирить стук своего сердца. Два года назад заканчивая последний курс университета в Риме, я любил ходить к моему другу парикмахеру Марио, чей салон находился в двух кварталах от моей квартиры. С моими волосами всегда происходила одна и та же история, от мастера я выходил в ладу со своей буйной головой, но после душа каждый волосок вставал в том направлении в каком хотел сам. Выбирать лучшего парикмахера в городе не было смысла, мою природу было не победить даже высочайшим мастерством. Поэтому ближайшая парикмахерская стала моей любимой. Марио был на несколько лет старше меня. Он относился ко мне с нежностью и теплом, так как сам был невероятно чутким и добрым человеком. Долгое время я проводил у него после стрижки за чашкой кофе и беседами. На улице темнело, город зажигал фонари, а мы говорили обо всём и ни о чём одновременно. Как-то сидя у него в кресле, я заметил, что прежнего и привычного уже мне задора в глазах друга не было. Глаза его были черны, а уголки губ горестно опущены вниз. Он почти не говорил и не смотрел на меня. Я тронул его за руку, пальцы которой утопали в моих волосах, наши взгляды пересеклись в отражении зеркала.

- «Марио, что с тобой?»

Марио прекрасно знал язык жестов, его младшая сестра была глухонемой с самого рождения. Этот факт очень сильно объединял нас.

Осунувшееся лицо мужчины на секунду застыло.

- Я полюбил, Алессио. И я очень жалею об этом.

Сжав губы, он отвернулся к окну, скрестив руки на груди. Сделав глубокий вдох, как будто сдерживал внутренние рыдания, он продолжил:

- Её имя Патриция. Мы познакомились на карнавале в Венеции пару месяцев назад. Это было что-то нереальное. Она выделялась из всей этой толпы людей. Хрупкая фарфоровая кукла, дивная, чудесная красота. С первого её взгляда на меня, я растаял как мороженое под палящим солнцем. Круговорот людей вокруг, блеск фейерверка, и вскоре я потерял её из виду. Долго бродил всматриваясь в каждую женщину, но больше её не увидел.

Я думал, что нам не суждено было встретиться вновь. Но как видно у Бога свои планы на нас. Одним пасмурным днём проплывая на лодке по каналу, я увидел её. Наши взгляды встретились, сердце стучало так как будто выпрыгнет и сразу камнем упадет на дно. Очень медленно мы проплывали мимо друг друга, наши лодки были так близки, что казалось они вот-вот врежутся друг в друга. Я встал как вкопанный, просто безмолвно застыл на месте. Тогда я почувствовал, что значит онеметь. И наверно так бы мы и разошлись в разные стороны, но Патриция быстрым движением подобрав подол своего платья, прыгнула мне в лодку. Представляешь?

- Меня зовут Патриция, - сказала она, так просто и легко. А в глазах огонь, пламя и солнце. Я в тот же миг отмер и заговорил с ней.

Руки Марио стали подрагивать, и он начал перекладывать свои инструменты на столе с места на место.

- Две недели безумной страсти, мне казалось я не отпускал её руку. Тогда-то я и понял, что пропал. Окончательно, без конца и без края. Но всему приходит конец, и эти прекрасные дни закончились. Мне следовало возвращаться домой, она же осталась в Венеции. Как тяжело я уезжал, как будто груз весом с целый поезд тащился следом за мной. Спустя месяц она позвонила, сказала, что приезжает в Рим, и возможно пробудет здесь несколько недель.

В день её звонка я выставил объявление на дороге, и стриг всех бесплатно. Я хотел поделиться радостью со всеми. Я так хотел, чтобы люди стали такими же счастливыми как я. А я считал себя самым счастливым на свете, Алессио.

Снова взяв в руки ножницы, Марио отвёл от меня свои блестящие от боли глаза и продолжил свою работу.

- Она выполнила обещание, пришла. Только увидела совсем не то, что видимо ожидала, - Марио сглотнул, как будто у него пересохло в горле.

- Я до сих пор помню тот день, он никак не выходит у меня из головы.

Увидев её в дверях парикмахерской, я бросил всё что было в руках. Как будто ворота рая открылись передо мной... Прекрасная Патриция... Она оглядела эту комнату, каждый угол, затем посмотрела на меня. Снизу-вверх. На мои потёртые ботинки, брюки, белую майку со старыми подтяжками. Радость сменилась любопытством, любопытство удивлением, а удивление презрением. Последний взгляд был холоден и чужд мне. Как будто она одела маску с того венецианского карнавала. Красивое высокомерное лицо, покрытое чёрным золотом... Я замер на полпути к ней. А потом она сказала всего несколько слов, которые ударили меня так, что я еле устоял на двух ногах.

- Прости, кажется я ошиблась.

И ушла. Просто развернулась и ушла, Алессио...

Я не успел и слова сказать. Да и зачем. Ей не нужны были мои слова. Теперь нет. Кто я, и кто она? Разве прекрасной синьоре нужен нищий парикмахер из бедного квартала Рима?

Лицо Марио искривилось от душевной муки. Таким я его ещё не видел. Взяв ножницы, он встал за мою спину и продолжил стричь. Я неотрывно смотрел в его отражение в зеркале.

Окончив стрижку, Марио поднял на меня потухшие глаза.

- У любви чёрное лицо Алессио. Запомни это.

Спустя полгода, перед самым отъездом я пришёл к нему проститься. В руках у меня был подарок для дорогого друга, завернутый в пергамент.

Протянув картину другу, я сказал, что буду скучать. Развернув мой подарок, Марио словно застыл. Картина была выполнена в черно-белых тонах, и только фигура мужчины была наполнена красками. Комната парикмахерской, такая же как и всегда, у окна сидит мужчина и положив голову на руки, смотрит на улицу. В позе его усталость и грусть. На столе перед ним разложены инструменты, за спиной два пустующих кресла. Несмотря на своё одиночество и боль, мужчина по-прежнему смотрит в окно и ждёт, когда чьи-то ноги коснутся его порога. Он встанет, его улыбка озарит всё вокруг и снова наполнит красками. Я не знал поймёт ли Марио, каким я его видел и каким изобразил на куске холста.

А потом я услышал глухой мягкий стук. Слезы. Крупными тяжёлыми каплями они падали на картину из широко-распахнутых глаз друга. Я подошёл к Марио и взяв его за плечо, обнял. Моя душа была спокойна, я знал, что на его свет, рано или поздно придёт та, кто не оставит его никогда в жизни. Он заслуживал гораздо большего, чем думал. Даже его мечты были скромны, как и сам Марио. Все мы боимся быть по-настоящему счастливыми.

Мои воспоминания прервались еле слышным стуком в дверь. Поднявшись с постели, я подошёл к двери и приоткрыл её. За порогом стояла Альда, взглянув на моё удивлённое лицо, она смущенно прикусила губу и с просила:

- Можно войти, я тебе не помешаю?

Я покачал головой и отойдя в сторону, пропустил девушку внутрь.

- Ооо... - раздался изумлённый возглас девушки. Она быстрым взглядом окинула комнату и приподняла брови.

Наверно ей показалось, что здесь живёт сумасшедший. Идеальный беспорядок - так я мысленно называл то, что происходило в моей комнате. Десятки репродукций картин висели на стенах, в углу стоял мольберт, подаренный профессором, рядом с ним стояло большое напольное зеркало в художественной раме. Напротив него большой стол, на котором огромный ворох бумаг, коробки с красками и карандашами. У ножки стола лежала гитара в чёрном чехле. Огромное окно во всю стену с белой невесомой как паутина шторой.

- У тебя очень... уютно, - подумав промолвила девушка

Улыбнувшись я благодарно кивнул и встал у стола, засунув руки в карманы.

- Что это за картина? - спросила Альда остановившись у репродукции Моне.

Я взял со стола карандаш и написал на первом попавшемся листе:

- «Это Клод Моне «Кувшинки» 1908 года.»

Пробежав глазами по листку, она снова взглянула на картину.

- Нежно и восхитительно. Я помню некоторые работы этого художника. Отец рассказывал мне о нём. Кажется, он обожал писать пейзажи и особенно любил воду.

Я снова приподнял левую бровь и кивнул. Альда снова повернулась к картине и продолжила.

- Художник всегда выбирал жильё рядом с водой и однажды даже построил плавающую мастерскую, где работал целыми днями. Вода наполняла его энергией и предавала сил. Однажды Моне был доведен до полного отчаяния и пытался покончить с собой, утопиться, но у него ничего не вышло. Вода не отняла у него жизнь, она успокоила и вылечила его душевные раны, - девушка посмотрела на меня и добавила:

- Я верю в силу воды, поэтому и запомнила эту историю, - Альда слегка пожала плечами и засмущалась.

Затем она подошла ко мне ближе и заглянула в глаза.

- Завтра мы уезжаем, впереди у меня экзамены и диплом. Как бы я не хотела покидать вас. Но остаться к сожалению, не могу.

Кивнув, я нахмурил брови и отвернулся к окну. Мне было тяжело смотреть ей в глаза также открыто, как это делала она.

Вдруг я почувствовал неуловимое касание своих волос. Сердце застучало отбойным молоком, разогревая кровь до кипятка за секунды.

Я медленно перевел глаза на девушку в немом вопросе.

- У тебя такие непослушные волосы, - она улыбнулась, резко убрав руку, как будто боялась обжечься. Неужели она почувствовала жар моего тела? Мои глаза потемнели и я тяжело выдохнул.

- Я хотела поблагодарить тебя за прогулку к озеру, буду с нетерпением ждать, когда ты закончишь картину и я смогу увидеть её.

Вытянув двумя пальцами свой телефон из кармана, я набрал текст и повернул экран к лицу девушки.

- «Микеле сказал, что женщинам больше нравится вино, чем картины.»

Я усмехнулся и наклонив голову набок, посмотрел ей в глаза.

Девушка засмеялась и тут же закрыла рот ладонью.

- Может и так. Но только не мне, - немного помолчав, она добавила:

- Алессио, я бы кое-что хотела подарить тебе. На память.

Альда достала из кармана широкой юбки маленький свёрток.

- Я занимаюсь шитьем, если ты помнишь, я учусь на модельера, и я кое-что вышила для тебя. Отец так много о тебе рассказывал, что мне показалось я знаю тебя лично уже очень давно, и я подумала, что тебе будет приятно.

Протянув мне небольшой свёрток, она сжала пальцы в тихом еле сдерживаемом волнении. Это было настолько приятно и неожиданно, что я растерялся.

Развернув бумагу, я увидел носовой платок из плотного голубого льна. На нём цветными нитями в миниатюре была вышита «Звездная ночь над Роной», Винсента Ван Гога. Звёзды в небе и блики на воде от уличных фонарей вышиты золотыми нитями, а ночное небо и река бархатной синей пряжей.

Это было восхитительно. Я поднял изумлённые глаза на девушку, мои губы вздрогнули от переполнивших меня чувств и Альда взглянула на них, как будто ждала, что я сейчас что-то скажу.

«Я не могу говорить Альда, не могу, разве ты это не поняла?»

Не думая, что делаю, я взял руку девушки и нежно её поцеловал. На порозовевшем лице отразилась неловкость и ещё что-то, еле уловимое.

Осторожно вытянув руку из моих пальцев, она отступила назад и сказала слегка охрипшим голосом:

- Я наверно пойду, мне пора, нужно собирать вещи и готовиться к отъезду.

Быстро развернувшись, девушка тихо вышла из комнаты, оставляя меня, безнадежно поверженного собственными, незнакомыми мне чувствами. Зажав платок в руке, я упал на кровать и закрыл глаза.

Глава 7 Решение

На следующее утро после завтрака, к дому подъехала машина и отец помог сложить в багажник вещи наших гостей, а также ящик вина, и большую корзину с местными продуктами.

Наконец пришло время прощаться. Обнявшись с синьором Армандо, я отошёл в сторону пропуская маму, которая требовала от гостей приезжать к нам как можно чаще и не забывать звонить.

Альда стояла в стороне и разговаривала с Микеле, на её лице сияла тёплая улыбка. Я не знал, как к ней подойти. Уместно ли будет её обнять? Мне очень хотелось коснуться девушки, но я стоял как вкопанный и боялся пошевелиться, несмотря на то, что до нашего расставания остались считанные секунды. Руки сжал в кулаки и спрятал в карманы брюк, сам себя удерживая от желания подойти к ней.

- Алессио, - девушка шагнула ко мне и быстро обняла за плечи, отстранившись в ту же секунду, как будто свежий ветер закружил моё тело и тут же отпустил.

- Я была очень рада с тобой познакомиться, - я улыбнулся и поймав её руку сжал на мгновение пристально посмотрев в её глаза. Она не дрогнула ни на секунду и не отвела свой взгляд.

- «Я надеюсь мы увидимся», - показал ей жестом и прижал руку к сердцу.

Мне кажется она меня поняла.

Помахав руками, профессор с дочерью сели в машину и уехали, оставляя на дороге облако пыли. День стоял знойный, не смотря на раннее утро, и удаляющаяся машина ещё долго сверкала блестящей точкой на горизонте.

- Ну что, Микеле, поехали работать, дел накопилось за эти дни. Привезли новую систему для поливки, нужно установить, - отец обнял брата за плечи и повёл к дому.

- Сынок, ты какой-то сегодня сам не свой, - синьора Энрика взлохматил мою челку и вгляделась в моё лицо.

- «Всё в порядке мама, плохо спал».

- Пойдём я сварю тебе кофе. Синьор Армандо привёз пакет чудных кофейных зёрен. Я как раз их намолола. Выпьешь чашечку и настроение сразу поднимется. Ты пойдёшь сегодня рисовать?

- «Не знаю мам, но мне нужно закончить картину. Скорее всего этим я и займусь».

- Дорогой мой, ты рисуешь уже очень хорошо. Почему бы тебе не выставлять свои работы и не продавать их? Всё что ни нарисуешь или даришь кому-то, или складываешь в шкаф. Ты думаешь я не заметила, что вся твоя комната завешана картинами других художников. А свои ты прячешь, как будто стыдишься. Мир должен увидеть то, что ты делаешь, ты этого достоин.

Солнце поднялось выше, на улице накалился воздух и от земли шла мягкая дымка жара. Сидя на кухне я пил кофе и думал о словах матери, глядя в окно.

Да, я прятал свои картины. Если работа была закончена мной, я её сразу убирал. Я не стыдился своих картин, как думала синьора Энрика. Они словно оживали, как только я делал последний мазок или штрих. Я боялся смотреть на них. Потому что они смотрели на меня в ответ, своим живым и пронизывающим взглядом. Если бы я раскрыл свою грудную клетку и встал напротив зеркала, был бы тот же эффект. В этих картинах было слишком много меня. И отдавая себя им, я жил. Потому что в груди было слишком тесно и тяжело, и моя собственная боль, и нерастраченная любовь вытекала из моих пальцев прямо на холст, облегчая мою ношу.

Я понимал, что мама права. Ни разу, ни словом, ни взглядом, мои родители не упрекнули меня в том, что я не хочу заниматься семейным делом и заботиться о виноградниках. Найти же другую работу здесь было практически невозможно, учитывая, что полноценно общаться с людьми я не мог. Уткнувшись в пустую чашку, я подумал, что должен двигаться дальше.

Невозможно прятаться всю свою жизнь. Я должен зарабатывать деньги. Ведь когда-нибудь у меня будет своя семья, хотя я очень сильно в этом сомневался. Но я должен был попытаться сделать хоть что-то для своих родителей. Если для этого придётся взглянуть своим страхам в лицо, что ж так тому и быть.

Следующие два дня я практически не выходил из комнаты. Даже не спускался на террасу за стол. Синьора Энрика приносила мне в комнату еду и оставляла на столе. А я неотрывно рисовал портрет Альды. Её платок я постоянно носил в кармане, решив, что он стал моим талисманом. Ежечасно я доставал его и любовался, трогал, вдыхал его запах, а затем снова прятал в карман. В душе царил бесконечная буря, как воздух накаляется перед грозой, так и моё сознание находилось в постоянном напряжении как будто я выпил ведро самого крепкого кофе. Я перестал спать. Ночами я ходил по комнате, выискивая на полу полоски лунного света, я ходил по ним из угла в угол. Я стал другим. Я потерял свой покой.

Под утро я раскрыл дверцы шкафа и начал доставать все свои картины и рисунки. Аккуратно выкладывая их на полу друг за другом, я понял, как много всего я накопил за последние десять лет. Вскоре вся дощатая поверхность пола была покрыта картинами, я сел на кровать и сжав в руках платок разглядывал каждую работу.

В груди становилось жарко и тесно, но я смотрел, вглядывался и вспоминал что чувствовал, рисуя ту или иную картину.

- Алессио, милый, доброе утро, может ты спустишься завтракать? Отец ждёт тебя за столом. Господи, что ты делаешь? - изумленное лицо матери побледнело, когда она зашла в мою комнату и увидела весь тот хаос, что там происходил. Она посмотрела на меня и нахмурилась.

- Сын, что с тобой происходит, скажи мне? Я не узнаю тебя, мне не спокойно. Ты стал совсем другим после приезда профессора, - поднимая картины и откладывая их в сторону, она проложила себе дорогу к моей постели и села рядом. Провела прохладной ладонью по моему лицу и охватив мою голову положила себе на плечо.

- Это из-за этой девушки милый? Я видела, как ты на неё смотрел. Это было трудно не заметить. Я понимаю, ты совсем молод, и ты постоянно один. И мне так больно, что ты не можешь впустить в свою жизнь кого-то ещё. Мой милый мальчик...

Объятия матери успокаивали меня. Как будто мазь наложили на рану и накрыли мягкой повязкой. Я взял руку матери и поцеловал.

- Всё будет хорошо, мама. Пойдём завтракать.

За столом было непривычно тихо. Отец пил кофе и изредка бросал на меня задумчивые взгляды.

Вытерев рот салфеткой, я привлек внимание родителей к себе.

- «Я хочу поговорить. Я много думал и решил ехать в Рим и продавать свои картины. Я не хочу сидеть у вас на шее, не хочу чувствовать себя обузой. Я решил, так будет лучше и для меня, и для вас».

Родители удивленно на меня посмотрели, а Микеле присвистнул.

Отец почесал затылок, откашлялся и словно тщательно подбирая каждое слово, сказал:

- Ты же понимаешь, что тебе будет тяжело одному в этом городе? Для продажи картин нужны связи. Нужен торговый агент в конце концов. Нужны выставки. Как ты себе это представляешь?

- Милый, почему бы тебе не поговорить об этом с синьором Армандо? Он столько лет учил тебя, у него самого проходят выставки его работ. Он знает этот мир не понаслышке, мне кажется он с удовольствием тебе поможет, - мама накрыла мою ладонь своей рукой и посмотрела мне в глаза.

Я откинулся на спинку стула и вздохнул, в меня начало проникать раздражение. Носятся со мной как ребёнком. Со взрослым мужиком. Конечно, столько лет прожил как инвалид, всего вокруг избегал и боялся.

- «Я хочу сам. Без посторонней помощи. Я взрослый человек. Не переживайте, всё будет хорошо. Я хотя бы просто попытаюсь».

За столом повисло тягостное молчание. Где-то на крышу опустилась птица и цоканье её лапок по черепице будто разбудило застывшие лица родителей.

- Хорошо, - отец поставил чашку на стол, - когда ты поедешь? Ты уже решил где будешь жить?

- «Попробую снять квартиру у синьоры Милены, ту в которой я жил во время учёбы. Как только договорюсь, буду собирать вещи. Не хочу больше с этим тянуть.»

Я поблагодарил синьору Энрику за завтрак и встал из-за стола. Мне нужно закончить портрет Альды перед отъездом в город. Направляясь в свою комнату, я чувствовал тягостную тишину за спиной и взгляды своей семьи, обращенные мне в спину. Им моё решение далось гораздо тяжелее чем мне. Хотя втайне они давно ждали этих перемен.

Небо сегодня было задумчивым, цвета парного молока, с кочующими ленивыми облаками. Тёплый ветер пах дождём и свежей травой. Я пришёл на своё любимое место, и устроился ровно там же откуда смотрел на Альду, сидящую у озера.

Рисовалось легко, никаких мучений и метаний, как бывало со мной ранее при написании картин. Как будто я читал выученный мной стих в сотый раз. Лицо девушки оживало под моей кистью, и я улыбался, глядя на её красивый тонкий профиль. Ворот рубахи колыхало ветром и первые капли дождя начали срываться с неба. Мгновенно спрятав портрет и инструменты в рюкзаки, я подошёл к кромке озера и вдохнул сырой тёплый воздух.

Наклонившись, я коснулся рукой водной глади, так как это делала Альда, едва-едва. Мне на миг почудилось будто я коснулся её руки, мучительно и маняще до дрожи в сердце.

В дом я зашёл насквозь промокший и счастливый. Последние дни перепады моего настроения удивляли даже меня. Обычно спокойный и уравновешенный, находящийся в одном диапазоне эмоций, теперь, я загорался как спичка от любого слова и мысли. Ощущение счастья сменялось вмиг тяжёлой тоской и грустью, и так круг за кругом без конца. Я чувствовал себя больным и не знал, как мне вылечиться.

Позвонив синьоре Милене, я удостоверился, что квартира свободна, и женщина готова мне её сдать. Пospешив поделиться радостной новостью с семьей, я спустился на кухню в охапку с Винсом. Маленький хитрый лис уже не походил на того лисёнка, которого я нашёл раненым в кустах. Он привык к нам, синьора Энрика откормила его, и он целыми днями ходил за ней хвостиком. Пухлая довольная рыжая морда выглядывала из-за каждого угла в доме. Мы как-то пытались выпустить его на волю, как только нога зажила, и он полностью выздоровел. Но лисёнок пошёл за нами, не желая возвращаться в прежнюю жизнь. Это и понятно, кто его там так накормит?

Мама сидела за столом и надвинув на нос очки на цепочке, читала газету. Рядом с ней дымилась чашка кофе. Увидев меня, она отложила газету в сторону и встала.

- Этот наглый лис уже не в состоянии ходить сам, что ты его носишь? Кого-то надо меньше кормить, и меньше баловать, тебе налить кофе дорогой?

Я кивнул и сел за стол напротив неё.

- «Я позвонил и договорился с синьорой Миленой. Через два дня она меня ждёт».

Мама молча кивнула и встала налить мне кофе. Подставив чашку поближе ко мне, она села рядом.

- Ты хорошо подумал Алессио? Я конечно рада тому что ты решил двигаться дальше и что-то менять в своей жизни. Но я очень за тебя переживаю. Слишком резко и неожиданно ты решил перевернуть всё с ног на голову.

- «Да, я хорошо подумал. Я люблю тебя мама».

- А как я люблю тебя сынок. Ты всегда можешь на нас положиться, знай это. Что бы не случилось.

Она протянула мне листок, на котором аккуратным почерком был написан адрес.

- Это адрес синьора Армандо. Обязательно сходи к нему и поговори. Не хочешь помощи, просто поговори. Мудрый совет никогда не будет лишним. Ты ведь всегда его слушал. Милый, чтобы не произошло с тобой в Риме, я понимаю, что прежним ты не вернёшься. Но это жизнь, рано или поздно это должно было случиться.

Я взглянул на ласковое родное лицо матери, она была права, впрочем, как и всегда.

Следующие два дня я готовился к отъезду, собирал вещи, и дописывал портрет Альды. В моих планах было заехать к ним и подарить ей картину. Я хотел хоть как-то отблагодарить её за платок, который теперь всегда был со мной.

Время пролетело очень быстро и вот я стоял у машины, укладывая в неё свои вещи. Всё смешалось за этот короткий миг. Крепкие объятия, слёзы в глазах синьоры Энрики и сильные руки отца, укладывающие корзину с едой в машину. На мой вопросительный взгляд, мама, встав в позу сказала, что если не возьму, вместо корзины со мной поедет она. А отец с братом останутся умирать с голода. Я не мог сопротивляться её аргументам. В конце концов кто я против синьоры Энрики? Наконец захлопнув дверь машины, я положил кепку на колени и посмотрел в окно на любимую моему сердцу землю. Впереди меня ждал Вечный город и совсем другая жизнь.

Глава 8 И снова Рим

Что бы вы ни делали, Рим всегда будет Римом. Город собравший в себя слишком много истории и красоты, был переполнен этим до краёв. Одной человеческой жизни мало для такого города. Жизнь слишком коротка, А Рим слишком глубок и необъятен. Внимания стоил каждый камень на мостовой, я не говорю уже о пиках десятков великолепных сооружений, творений скульпторов и художников. Город на семи холмах встретил меня ожидаемым шумом и суетой.

Сев в такси на вокзале Термини, я направился напрямик в район Трастевере, где жил во время учёбы. Я уже и забыл насколько запутан лабиринт узких улочек этого квартала. Многочисленные рестораны и кафе, гуляющие парочки и затёртые до блеска ногами туристов, каменные дорожки, уводящие в неизвестность. Всё это оживало на моих глазах, напоминая прошлые годы в Риме.

В голове мелькнула мысль, о том, что непременно нужно зайти к моему другу Марио. Давно я его не видел и очень скучал. Настоящих друзей не ищут, они приходят сами, и остаются в сердце навсегда.

На город ложился вечер тёплым ароматным покрывалом, полным запахов еды и разговоров из каждого угла улицы.

Выгрузив вещи из машины, я огляделся по сторонам и позвонил в дверь дома синьоры Милены. Недолго мне пришлось ждать, двери распахнулись и появилась маленькая полная женщина с высоким пучком иссиня-чёрных волос на голове. В ушах как всегда блестели огромные золотые серьги, а полные руки обтягивали обручи массивных браслетов.

Лицо женщины осветилось радостью и гостеприимством. Я был идеальным для неё квартирантом. Синьора Милена родом была из старинной итальянской семьи Ботичелли, с достойным наследством и неуёмной любовью к золоту. Эта громкая женщина похоронила своего мужа уже больше десяти лет назад, детей не имела и скрашивала свою жизнь как могла. Старинный особняк в районе Трастевере достался ей в наследство от дядюшки. И не один десяток лет она жила в нём и сдавала квартиры добропорядочным итальянцам. В этом у неё был пунктик, никаких иностранных туристов.

- Алессио, дорогой мальчик, твоя квартира готова. Убрана, постелено чистое бельё. Ты устал наверно с дороги?

Я кивнул и показал на сумки, расставленные на полу.

- Да, конечно, тебе нужно расположиться и отдохнуть, мы ещё успеем пообщаться, - она оглядела меня снизу-вверх и довольно цокнула,

- Ты такой высокий стал, возмужал. Весь в своего отца, - синьора Милена захихикала как юная девочка. Она всегда была равнодушна к моему отцу, а знакомы они были еще с детства.

Поднявшись на второй этаж, я занёс вещи в распахнутую настежь дверь и выдохнул. Теперь нужно было поесть. Желудок скрутило от голода, кроме сырных лепёшек и кофе за весь день я ничего так и не съел. Приняв душ и переодевшись, я вышел на узкую мощёную улочку. Старинные фонари разгоняли темноту тёплого ароматного вечера. По дороге до ближайшего ресторана, я разглядывал, увитые плющом и виноградом дома. Они были совершенно разнообразны, тёплых терракотовых, охровых и персиковых оттенков. Каждый интересен по-своему. Время как будто замедлилось здесь и шло своим чередом. Туристы редко заходили на эти улицы, в основном здесь были коренные римляне, которые очень гордились своим происхождением. По сторонам улочки стояли крошечные машины разных цветов и оттенков, в основном Фиаты и мотороллеры.

Наконец я выбрал уютное на мой взгляд уличное кафе. Столики выходили как раз с видом на площадь Трилусса, напротив моста Систо. Местный народ любит собираться со своими друзьями и родными в этом месте, это своего рода традиция, и сейчас сидя у фонтана молодые

люди наслаждались мороженым, пищей и вином. За эти годы здесь ничего не изменилось. Время застыло в воздухе, пропитанном запахом воды и нагретых солнцем камней.

Взглянув на поданные вежливым официантом блюда, я понял, что подзабыл, как вкусно здесь готовят. При видя румяного мяса и свежего салата, во рту скопилось предчувствие изумительного вкуса. Я не спешил, потягивал вино и смотрел на окружающий меня мир. В этом есть своё очарование, сидеть одному и наблюдать за эмоциями незнакомых тебе людей. Попробовать угадать их настроение, характер и даже придумать беседу, которая могла бы между нами произойти. Этот район я когда-то выбрал не зря. Он в отличие от многих других обладал домашней атмосферой. Здесь тихо и не многолюдно, именно то, что я люблю. Я мог часами блуждать по узким улочкам, выискивая новые формы для вдохновения. В этих дворах я написал достаточно много картин.

Расплатившись, я, не торопясь, решил пройтись вдоль набережной Тибра, спать совсем не хотелось. Хотелось мечтать и думать. Новые ощущения взбудоражили меня.

Я дышал полной грудью, вбирал в себя запахи окружающих меня цветов, домов, людей и многочисленных ресторанов. Вкусно, спокойно, хорошо. Звонкая, сверкающая ночь поглотила меня. Я забыл о ночных огнях Рима, а когда-то они меня покорили. Теперь всё ощущалось совсем по-другому. Или это я стал другим? Я знал, что пройдёт совсем немного времени и мне станет здесь тесно и душно. За каждой тихой ночью наступало утро и освещало самые тёмные уголки этого города. Это так странно, в Тоскане я обожал день, каждую ночь ждал утра и первого солнечного луча как старта нового дня и новой жизни. В городе же мне полюбилась ночь. В ней я жил, дышал, рисовал. День приносил головную боль, как с похмелья, и бесконечную тоску по тишине и одиночеству.

Время уже было за полночь, усталость легла мне на плечи тяжёлым грузом, и я побрёл к дому. В квартире, скинув себя одежду, я упал на кровать и провалился в глубокий сон. Мне снилась Она, её длинные волосы и нежные губы.

На утро меня разбудил непривычный шум и запахи с улицы, доносившиеся из открытого окна.

Разлепив глаза и потянувшись всем телом, я побрёл в душ. В груди прорастала лёгкая тревога от чувства неизвестности и неопределённости. Прохладная вода освежила голову и придала моему телу сил. Разобрав и разложив свои вещи, я оделся в подходящую для жаркой погоды одежду и вышел на улицу. Солнечные лучи отражались в окнах домов и прыгали по моему лицу солнечными зайчиками.

Позавтракав и выпив кофе в ближайшем уличном кафе, я решил отправиться напрямик к моему другу Марио, которого я не видел уже два года. Пройдя через площадь с фонтаном и пару узких улочек, я направился к парикмахерской.

По дороге мне встретилась огромная витрина магазина, заполненная огромным количеством шляп всех цветов и размеров. Я скользнул по ней взглядом и пошёл дальше, но через несколько шагов меня что-то остановило и повернувшись к витрине, я замер. Напротив витрины, практически вжавшись лбом в стекло, стоял мужчина средних лет. Худощавое тело с повисшим на плечах тёмным плащом, накинутым совершенно не по погоде, высокий рост, сгорбленная спина и босые ноги. На голове у мужчины была надета классическая потёртая от долгой носки, шляпа с шёлковой чёрной лентой. Мужчина смотрел на витрину неотрывно, казалось бы, ничего странного, но в его фигуре читалась какая-то вселенская обречённость и усталость.

Я некоторое время его разглядывал, засунув руки в карманы и прислонившись к шершавой стене дома. В определённый момент мужчина поймал мой взгляд в отражении витрины и быстрым шагом зашагал прочь, надвинув шляпу и закрывая лицо. Провожая его взглядом, я нахмурился и продолжил свой путь к другу.

Вскоре, подойдя к салону я остановился у входа. Пристав на цыпочки, заглянул в окно и увидел профиль Марио. Волнистые чёрные волосы, залитые гелем для укладки, лежали так же идеально, как и раньше. Держа лезвие в руке, он активно жестикулировал и объяснял что-то клиенту. Так же горячо и пылко как делал это обычно, с присущей ему страстностью. Я тихо зашёл и встал за спиной друга, стараясь ничем не выдать своего присутствия.

Кажется, он не заметил меня. Закончив стрижку, он скинул с мужчины накидку и удовлетворенно посмотрел на дело своих рук. Через секунду наши взгляды встретились в зеркале и накидка, плавно кружа упала к ногам Марио.

Масса эмоций сменилась в его глазах за считанные секунды, широкая улыбка осветила смуглое лицо.

- Алессио, друг мой!

Марио одним шагом подскочил ко мне и крепко обняв, приподнял меня над полом. Я беззвучно рассмеялся, увидев эту мальчишескую непосредственность, за которую очень его любил. Знаком показав Марио поставить меня на пол, я похлопал его по плечу и сел в кресло в углу комнаты.

- Вы довольны синьор Альфредо? - Марио повернулся к пожилому мужчине, который приглаживал чёлку после стрижки и внимательно осматривал свою голову.

- Да Марио, ты знаешь, как сделать меня молодым. Как волшебник убираешь всю седину с моих волос, жена будет довольна и позволит выпить лишний бокал вина в её компании.

- Ну вот и отлично, приходите синьор Альфредо, я всегда вас жду, вы это знаете. От меня горячий привет прекрасной синьоре Рикарде, целую её руку.

- Непременно мой друг, - слегка хромая мужчина вышел из комнаты, сжимая в руке трость.

Наконец мы остались одни и Марио прыгнув в кресло напротив меня, начал забрасывать меня вопросами.

- Как ты здесь оказался дружище? Когда приехал? Столько времени не слышал о тебе пока ты жил своей спокойной сельской жизнью в Тоскане. Подожди, надо налить вина, отметить встречу, - Марио подошёл к маленькому холодильнику и достал бутылку красного вина. Разлив его по стаканам, он вновь сел напротив меня, оглядывая с ног до головы. Как будто проверял всё ли на месте.

Следующий час мы говорили о том, как жил всё это время Марио. Он всё-таки встретил женщину, которая разглядела чуткое и огромное сердце скромного парикмахера. Девушка была под стать ему, из семьи среднего класса и с очень достойным воспитанием. Можно сказать, она была полной противоположностью той, что разбила сердце моему другу.

- Ты знаешь, ей безумно понравилась твоя картина, друг показал пальцем на полотно, висевшее в центре комнаты.

- Она очень долго стояла и разглядывала её, а потом спросила кто написал это творение. Я сказал: это лучший человек на свете и мой близкий друг. Элина взяла с меня обещание, что я вас обязательно познакомлю, и надо же, ты здесь, сидишь передо мной.

Глаза Марио светились тёплым и заразительным счастьем.

Моё горло перехватило от радости за друга.

- Так что ты собираешься делать Алессио? Насколько я помню, ты с нетерпением ждал окончания учёбы, чтобы вернуться в Тоскану.

- Я решил, что пора менять свою жизнь, поэтому решил работать в Риме и продавать картины.

Подняв густые брови вверх Марио с восхищением на меня посмотрел.

- Я согласен с тем что твой талант должен быть оценен, его нельзя прятать ни в коем случае. Я тебе всегда об этом говорил. Это правильный шаг, Алессио. Только ты же не можешь долго находиться среди людей? Или что-то изменилось, и я не знаю?

Я не торопился с ответом, глотнув вина, я уставился в начищенные ботинки друга, свет от лампы на потолке отражался в них как в зеркале.

- «Я встретил девушку»

В ответ тишина и широко распахнутые удивлённые глаза. Марио хлопнул себя ладонью по ноге и засмеялся.

- Мой друг влюбился, надо же.

- «Я не уверен, но после знакомства с ней что-то поменялось во мне. Я не смог быть один как прежде. Мне стало необходимо как воздух двигаться и что-то делать, а не плыть по течению».

- Ну точно влюбился, - удовлетворенно изрёк Марио, - значит ты будешь продавать картины... и где ты будешь это делать? Тебе поможет профессор?

- Нет. Я решил не обращаться к нему за помощью. Попробую сам, своими силами. Пока ничего не известно. Я же приехал только вчера, и как видишь с утра сразу к тебе, - я вытянул длинные ноги и улыбнулся.

- Ты знаешь у меня есть одна идея. В конце улицы есть ресторан, может ты помнишь его. Так вот я на днях ужинал там и услышал разговор хозяина Роберто. Они хотят расписать стены в зале и ищут художника. По-моему, это отличный вариант подзаработать денег. Пока ты разберёшься с картинами, ты можешь работать там. Обязательно зайди и поговори с ними.

Я, не раздумывая одобрительно кивнул, это действительно хорошая мысль.

- Теперь я должен видеть тебя постоянно Алессио. Взглянув на мои торчащие волосы, он покачал головой.

- Как же я скучал по твоим буйным густым лохмам. Они как вызов моему могучему таланту.

Засмеявшись я слегка толкнул друга в плечо.

- Давай садись в кресло, у меня сейчас всё равно никого не будет, я тебе наведу красоту, заодно и побрею, ты что решил отрастить бороду или бритва сломалась? Твоя девушка должна видеть в тебе принца, а не конюха. Сегодня ты выйдешь от Марио самым красивым итальянцем в Риме, - Марио цокнул языком и усадив меня, принялся за работу.

Я с покорностью отдал себя в руки мастера, а сам ушёл в глубокие размышления.

Тронув за руку друга, я спросил

- «Когда я шёл к тебе, мне попалась витрина магазина головных уборов неподалёку от твоей парикмахерской, на противоположной стороне улицы».

- Да, это шляпный салон семьи Вератти. Очень старый, они продают шляпы уже не один десяток лет. Каждый уважающий себя итальянец должен купить у них хотя бы одну шляпу. Это считается обязательным условием, если ты живешь в Риме.

- «Так вот», - продолжил я, импульсивно жестикулируя, - «у магазина я увидел странного мужчину, он был одет в тёмную одежду, на голове старая поношенная шляпа, и он был без обуви. Меня это удивило, и я какое-то время понаблюдал за ним. Он очень долго стоял у витрины, а потом увидев меня, быстро ушёл. Ты не знаешь кто это?»

Марио замер на секунду, держа ножницы в воздухе.

- Знаю конечно. Это очень грустная история, Алессио. Этого человека зовут Альфредо Ромаццо. В прошлом банкир, довольно успешный, должен сказать. У него было всё: богатство, успех в делах, красивая жена и дочь. Всего за один день жизнь Альфредо начала рушиться, камень за камнем. Он обанкротился, погряз в долгах, а его жена ушла к другому, не желая жить в бедности. Дочь она оставила с отцом. Альфредо довольно долго пытался выкарабкаться из этой ямы, но выходило плохо. Все вокруг поняли, что у Альфредо не осталось ничего, когда в один прекрасный день он вышел с непокрытой головой на улицу, ведя за руку свою дочь. Чтобы ты знал, Альфредо Ромаццо всегда любил шляпы, встречая его на улице в новой шляпе

от модных итальянских домов, мы понимали, что сейчас модно носить, а что нет. Это было его страстью. Альфредо без шляпы не Альфредо.

И вот он обеднел настолько, что распродал все свои дорогие шляпы, не оставив ни единой. Девочка Клаудиа, его дочь, была уже довольно взрослой в то время, по-моему, ей было пятнадцать лет. Любили они друг друга безумно, я думаю, только она держала его как-то на плаву и не давала утонуть. Конечно она понимала, как отцу было непросто, как он пытался сохранить их дом и дать ей всё необходимое. Однажды на день рождения Клаудиа решила подарить своему отцу шляпу. Для этого она ушла тайком из дома и продала свою скрипку. Играла она просто замечательно. С самых малых лет занималась на скрипке. Бывало люди собирались на площади, чтобы её послушать. В общем продала она эту скрипку и хотела принести отцу подарок, чтобы хоть как-то его осчастливить. Но до дома она так и не дошла, девочку сбила машина. Насмерть. Пьяный турист на бешеной скорости залетел каким-то чёртом в наш район, за ним гнались полицейские, девочку он не заметил, сбил её как раз рядом с этим магазином.

Не буду говорить, что тогда было с Альфредо, без слёз не мог на него смотреть. Как будто жизнь ушла из человека и осталась только тень. Он будто ума лишился. Так и живёт по сей день. Бывает выходит на улицу без обуви, или без пальто в дождливый день. Но шляпу ту он не снимает никогда. А у витрины магазина он стоит почти каждый день.

Марио закончил стрижку, высушил мне волосы и налил нам кофе.

- В этом районе все друг друга знают Алессио. Мы как одна большая семья. От таких историй никуда не деться, далеко не всем дано улыбаться, так же, как и не всем дано говорить или слышать, - Марио посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

Возвращаясь обратно той же дорогой, я вновь остановился у витрины, достал телефон, сделал снимок и пошёл дальше по своим делам, прокручивая в голове печальную историю человека в шляпе.

Глава 9 Выбор

На следующий день я с тщательностью выбрал несколько своих работ с изображением пейзажей, сложил их в папку и пошёл в ресторан синьора Рикардо. Работа бы мне действительно не помешала, просить денег у родителей я не хотел, поэтому отказываться от такой возможности не стоило, и решить этот вопрос следовало как можно скорее.

Траттория, семейный ресторан, предлагавший традиционные и семейные блюда итальянской кухни, был довольно уютным на первый взгляд. Резные двери из тёмного дуба были украшены вязками засушенных овощей и цветов, из овальных окон, наполовину прикрытых горшками с цветущими гортензиями, проглядывали сувенирные бутылки итальянского вина.

Зайдя в ресторан, я набрал на телефоне текст и подошёл к официанту.

Поздоровавшись кивком головы, я показал ему экран телефона

- «Как я могу увидеть хозяина ресторана»?

- Присаживайтесь за свободный стол, я сейчас позову синьора Рикардо, он на кухне, - официант вежливо кивнул и пошёл выполнять мою просьбу.

Выбрав столик у окна, я поставил сумку на пол у своих ног. Стены в помещении были завешаны многочисленными картинами достопримечательностей Рима. На высоких старинных шкафах у стен стояли в ряд разноцветные бутылки с вином. Я начал их считать от волнения, но через пять минут сбился и стал разглядывать зал дальше. На дубовых столах лежали накрахмаленные скатерти кремового цвета. Полы с тёмного начищенного до блеска паркета и огромные хрустальные люстры с позолотой на потолке. На удивление, я услышал вместо привычной в ресторанах музыки, оперу. Хозяин заведения явно был любителем искусства, теперь понятно почему он решил украсить стены живописью.

- Здравствуйте, я Рикардо Мельчини, хозяин этого заведения. По какому вы вопросу?
- от размышлений меня отвлёк мужчина довольно преклонного возраста с густыми седыми волосами. Он был крепкого телосложения и в движениях угадывалась необычайная ловкость для его возраста.

Поздоровавшись, я попросил жестом синьора Рикардо сесть рядом со мной для продолжения разговора. Сам же в свою очередь достал из папки с работами, заранее написанный текст на листе.

На мгновение лицо ресторатора осветилось удивлением и непониманием. Но пробежав глазами по тексту, он с интересом на меня взглянул.

- Очень приятно познакомиться синьор Алессио. Действительно, я хочу изменить оформление зала, вы пришли как раз кстати. Я могу посмотреть ваши работы?

Открыв папку, я придвинул её ближе к мужчине. Несколько минут он молча рассматривал то, что я принёс. В глазах я увидел долю восхищения и одобрения.

- Вы прекрасно рисуете пейзажи. Я не просто так это говорю, живописью увлекаюсь всю свою жизнь. В картинах потрясающая игра света и тени. Это покоряет. Я очень рад с вами познакомиться, - мужчина привстал и с широкой улыбкой пожал мне руку.

- Я буду рад если вы поработаете над моим скромным рестораном. Я бы хотел вложить в него больше души, вдохнуть жизнь, чтобы сидя в нашем зале, посетители ощущали себя среди деревьев и цветов, и даже чувствовали движение ветра. Как думаете, вам это будет под силу?

Я кивнул и опустив глаза понял, что чувствую себя очень неудобно, ладони вспотели и взяв салфетку, я увидел мокрые следы на брюках от рук. Мои работы мало кто видел, и сейчас я испытывал непонятное мне чувство неловкости и стыда, как будто вытащил из сумки своё нижнее бельё, а не картины.

- Обед закончился, мы как раз закрываемся до вечера. Есть время всё обсудить. Но перед этим я вас покормлю.

На все мои отрицания хозяин ресторана не обратил никакого внимания. Его щеки покраснели от предвкушения, и он, похлопав меня по плечу побежал на кухню.

Через несколько минут вежливый официант принес фирменную пасту, мидии, румяное мясо и бутылку вина. Еда была очень вкусная, паста совсем не хуже, чем делает синьора Энрика, упаси Господь услышать ей сейчас мои мысли. Попивая вино, я расслабленно сидел в ожидании хозяина заведения. Вино мягко успокоило меня, и я задумался о росписи стен, разглядывая зал.

Вскоре синьор Рикардо подсел ко мне, и мы начали обсуждать фронт работы, прошлись по залу, я постоянно писал ему текст со своими идеями. Наконец сойдясь на общем плане работ, мы пожали друг другу руки и разошлись. Перед уходом я вручил ему бутылку вина с нашей винодельни.

Синьор Рикардо был приятно удивлен, узнав, что моя семья вот уже несколько поколений занимается виноградниками.

- Очень, очень интересно, непременно попробую ваше вино, спасибо Алессио. Вы меня заинтриговали.

Из ресторана я вышел в приподнятом настроении. Работа на какое-то время у меня была, а значит деньги на оплату жилья и еды будут. Подойдя к площади, я сел у фонтана и прикрыв ладонью глаза от палящего солнца, стал наблюдать за людьми на площади. Несколько молодых людей, сбившись в стайку смеялись, громко переговариваясь. Кто-то ел пиццу, сидя на ступеньках лестницы. Вода в фонтане тёплыми брызгами растворялась в воздухе, опыляя каменную плитку мокрым разноцветным туманом.

Приближался вечер, и я решил, что пора навестить учителя. Я даже не сообщил ему о своём приезде, хотя не удивлюсь если родители сделали это до меня. Тем более будет некрасиво не появиться, проявив тем самым своё неуважение. Забежав в квартиру, я оставил работы и план росписи зала. Принял прохладный душ и переодевшись вызвал такси.

Синьор Армандо жил в другом районе и до его дома был совсем не близкий путь. Спустя полчаса, петляя по улицам и вдоль площадей, мы остановились у особняка семьи Манчини. Золотистые каменные стены с резными колоннами и черепицей цвета тёмного вина оставляли вокруг себя тени на несколько метров. Нажав на звонок, я стоял в ожидании, вытирая пот со лба. Густая чёлка промокла и облепила лоб упав на глаза. Раздался писк и ворота открылись. Сад перед домом был невероятно ухожен. Огромное количество роз разных оттенков, плавно переходили в плющ, которым были увиты стены дома. Как будто цветы утопали в зелёном океане, волна которого накрыла дом, пряча его от солнца. Зря учитель говорил, что его садовник не справляется. Ещё как справляется. На встречу мне вышла экономка синьора Армандо. Увидев меня, она всплеснула руками.

- Синьор Алессио, какая приятная неожиданность! Добро пожаловать! Сейчас я сообщу синьору о вашем появлении. Он будет очень рад! - Пожилая женщина работала уже много лет в семье Манчини, и после смерти его жены пыталась изо всех сил заменить мать осиротевшей девочке и была практически членом семьи. Присев в кресло в прохладной гостиной, я с удовольствием вытянул ноги и прикрыл глаза.

- Не буду говорить, что это для меня сюрприз. Твоя мама позвонила мне ещё два дня назад и сообщила о твоём переезде в Рим, - в тишине раздались еле слышные шаги и тёмные глаза профессора посмотрели на меня с укором.

- Ну здравствуй мой мальчик, иди сюда, - учитель крепко меня обнял и сел в кресло напротив.

- Ты голоден?

- Нет, я только из ресторана и съел там четыре блюда и десерт, - я похлопал себя по животу и усмехнулся.

- Хорошо, рассказывай какие у тебя планы, и что ты собираешься делать со своими картинами? - судя по встревоженному взгляду учителя, он был удивлён и обеспокоен не меньше моих родителей.

Я объяснил ему для чего я приехал в Рим. Рассказал о новой работе и желании рисовать на продажу. После моих слов синьор Армандо скрестил руки и как-то странно на меня посмотрел.

- Ты как всегда удивляешь меня Алессио. Будучи родом из старинной итальянской семьи, известной своими винами и виноградными плантациями, имеющим достаточно денег для налаживания связей и даже уже имея какие-то связи, в лице хотя бы меня, ты всё же решил пойти по пути человека, у которого нет ничего, кроме желания рисовать. - Профессор покачал головой и вздохнул,

Я не знаю, что сказать, правда. Не зная тебя, может быть, я решил бы что ты глуп и упрям, или что ты пытаешься оторваться от своей семьи, отказываясь от их помощи. Или посчитал бы тебя гордецом, учитывая то, что ты не просишь совета и помощи у своего учителя и наставника. Это я разумеется про себя, - профессор потёр переносицу и вздохнул. - Но я конечно так не думаю. Ты всегда был сам по себе, как ветер в поле. Я не буду ни на чем настаивать, ты умён не по годам и сам знаешь, что тебе нужно. Однако, я сейчас дам тебе контакты одного человека. Он не будет продавать твои картины, но он сможет помочь тебе с выставкой. Разумеется когда ты будешь готов и работ будет достаточно для этого, ты сможешь обратиться к нему, я его предупрежу. - Это не помощь, - перехватив мою руку в немом жесте, учитель твердо посмотрел на меня, - это всего лишь дань твоему таланту. Я считаю, что твои работы должны увидеть ценители искусства, а продавать их за копейки на площадях бедным прохожим, которым нужно чем-то завесить дыру в стене на кухне - величайшая глупость, - профессор отклонился на спинку кресла и его черты лица расслабились.

- И ещё кое-что. Алессио я очень хорошо тебя знаю, ты приехал сюда для того чтобы зарабатывать деньги на своих картинах. Но также я знаю, что деньги тебя никогда не интересовали. Да, наверно легко так говорить, когда в них нет нужды. Но ты не сможешь рисовать за деньги. Каждая твоя картина - это чья-то история, это твои чувства. А их купить нельзя, ты это и сам знаешь. Причина не в деньгах, правда? Если ты захочешь об этом поговорить, ты знаешь где меня найти, - профессор положил руку мне на плечо

- Кстати, к какому парикмахеру ты ходишь?

Я не смог сдержать улыбки и засмеялся.

- Я непременно к нему схожу, если уж он с твоей головой справился, ему все по плечу.

С лестницы неожиданно раздался стук каблучков, шаги приближались и на миг у меня перехватило дыхание.

- Папа я собираюсь идти на блошинный рынок, нужно кое-что посмотреть для показа, - речь прервалась на полуслове и я встретил взгляд оливковых теплых глаз Альды.

- Алессио? Как неожиданно, я очень рада тебя видеть, - девушка подбежала ко мне и порывисто обняла. Если бы я мог говорить, я бы онемел именно в эту секунду. Как цветочный прохладный ветер, запах девушки окутал меня всего, унося мою душу прямо в небо. Сердце захлопотало, за секунду набрав больше ста оборотов.

- Папа, почему ты не сказал, что Алессио здесь?, - девушка укоризненно посмотрела на профессора.

- Для меня самого это было большим сюрпризом. Представь, этот молодой человек решил переехать в Рим и писать здесь картины. - Девушка с улыбкой посмотрела на меня

- Ты будешь иметь успех Алессио, твои картины чудесны. Как хорошо, мы можем видеться и общаться чаще. - Я вежливо кивнул и краем глаза посмотрел на профессора, что-то мелькнуло в его лице, и мне показалось что он недоволен поведением дочери.

- Я пойду синьор Армандо, мне нужно готовиться к работе. Надо купить материалы, краски и новые кисти.- А я как раз покажу где ты можешь это всё приобрести, только подожди секунду, - девушка быстро побежала наверх по лестнице, стуча каблучками. В возникшей тишине я не знал куда деть свои трясущиеся руки и спрятал их за спиной.

- Алессио, раз в неделю на выходных ты должен приходить к нам на ужин, и это не обсуждается, - учитель строго и ласково на меня взглянул, - и вообще ты должен знать, что в любое время можешь ко мне обратиться. Я не знаю насколько твоего запала хватит, но я помню, как в прошлый раз ты уезжал отсюда в тяжёлом моральном состоянии. Я бы не хотел чтобы это повторилось.

Поблагодарив профессора я вышел к воротам особняка и встал в тени куста роз в ожидании Альды.

Глава 10 Забыться

- Я готова, пойдём, - девушка выскочила из-за ворот и подошла ко мне накинув сумочку на плечо. - Погода хорошая, ты не против если мы пойдём пешком? Конечно же я был не против. Я мог идти с ней рядом сколько угодно, пока не откажут мои ноги. Блошинный рынок порта Портезе переехал сюда с площади Кампо-Деи-Фиори после второй мировой войны. Самый крупный блошинный рынок в Риме. Чего там только нет. Наверно только нас там не хватало.

- В каком районе ты живёшь Алессио? Далеко отсюда? - «Трастевере», - вмиг написав ответ в телефоне, я посмотрел на Альду. - Значит ты живёшь недалеко от рынка. Это старый район, тихий, - девушка на минуту замолчала, прикусив пухлую губу и о чем-то задумалась.

- Знаешь так странно, когда я была у вас в Тоскане, в моей голове мелькнула мысль, что я завидую тебе. Ты так свободно и легко жил там, делал то что просила твоя душа. Как будто это был совсем другой мир. Я бы тоже так хотела. А сейчас ты здесь. И это так странно.

Я понимал о чём она говорит. Да это действительно было странно. Только она не знала одной детали, я приехал из-за неё.

- Скажи мне Алессио, а ты способен на импульсивные безрассудные поступки?

Я посмотрел на Альду и улыбнулся. - «Как Франсиско Гойя например? Когда он приехал в Рим, залез на купол Собора Святого Петра и нацарапал на нём свои инициалы», - прочитав мои слова, Альда засмеялась. - Я с трудом представляю, как ты лезешь по крыше Собора. Наверно потому что я сама никогда не поступала безрассудно. Я живу по заранее составленному плану на долгие года, и наверно... на всю жизнь. Горечь в голосе Альды от меня не скрылась.

По блошиному рынку мы гуляли довольно долго. Я купил несколько старинных рам для картин, Альда приобрела украшения для своих моделей. На обратном пути мы зашли в магазин где я купил материалы, нужные для работы в ресторане.

- Значит ты будешь расписывать стены в ресторанчике Трастевере? Я уверена это будет впечатляюще, - девушка повернулась ко мне и встретившись глазами, мы застыли, не зная, что говорить.

Я чувствовал, как меня тянуло к ней необъяснимой неведомой силой. Я боялся открыто смотреть на её лицо и отводил глаза, но через секунду снова возвращался. Неловкое молчание затянулось, я протянул девушке руку и получив её, мягко пожал.

- Я надеюсь ты к нам придёшь на ужин на следующих выходных. Отец очень обидится если тебя не будет

Я кивнул, не отпуская её руку и показал жестом что мне пора идти.

- Увидимся Алессио, - Альда улыбнулась и повернувшись, пошла к дому. Подойдя к воротам, она слегка повернула голову и сквозь упавшие на её лицо волосы, я увидел задумчивый взгляд. Только после того как она зашла внутрь, я развернулся и направился в сторону дома. Идти было довольно далеко, но окрылённый собственными чувствами, я решил дать себе время и подумать о том, что произошло.

Погода начала меняться, небо потемнело и солнце ушло за облака. Ветер, трепавший мои волосы, стал прохладнее и сильнее. Первые капли дождя упавшие на голову, стали знаком для спокойно прогуливающихся парочек рядом со мной. Мужчины накидывали свои пиджаки на плечи девушек и бежали с ними, в поисках ближайшего укрытия.

Я же продолжал идти, буря в моей душе была гораздо сильнее любого дождя. Дождь хлестал тонкими струями по моему лицу, попадая под ворот рубахи и стекая по моей груди. Но я словно не замечал этого, шагая также неторопливо, как и раньше.

Отчего то в моей голове всплыли воспоминания о моём однокурснике Луиджи. Это был тихий спокойный парень, он сторонился больших компаний и старался быть подальше от всех.

Это нас объединяло. Луиджи мечтал стать известным скульптором, я видел его работы и талант парня меня поразил. Луиджи так тонко и реалистично передавал человеческие эмоции в лицах вылепленных им скульптур. Особенно хорошо у него получались человеческие руки. Тонкие хрупкие кисти женщин с изящными пальцами и сильные мужские руки с сеточкой вен и буграми мышц под прозрачной кожей. При взгляде на них казалось, что они сейчас оживут и коснутся тебя. Но запомнил я этого парня не из-за его таланта лепить скульптуры. С детства Луиджи болел фобией прикосновений. До встречи с ним я и не знал, что бывают даже такие страхи. Парень не любил, когда к нему прикасались. Как только это по каким-либо причинам происходило, на лице Луиджи вспыхивал страх и паника, он тут же срывался с места и убегал, только пятки сверкали. И не смотря на страх перед чужими прикосновениями, он невероятно талантливо лепил человеческие руки. Мне не просто было понять, как изображая красоту человеческого тела до мельчайших деталей, можно так его бояться. Тогда-то я и понял, что количество страхов в нашем мире не имеет вообще никаких границ.

Погруженный в собственные мысли, я не заметил, как быстро прошёл весь путь до дома. Встречные лица и голоса словно слились в одно цветное пятно. Я смотрел сквозь них, а точнее смотрел в себя, любуясь новыми чувствами, перебирал их, осматривал и даже гордился как красиво и складно они разместились в моей одинокой душе. Как новая посуда у мамы в шкафу. Когда ты делаешь что-то в первый раз, это всегда волнительно. Особенно когда влюбляешься.

Плотно поужинав, я сел напротив мольберта и стал делать наброски картины, которую я всего за несколько секунд создал в своей голове, стоя у витрины со шляпами. История банкира тронула меня до глубины души, тем самым дополнив и завершив зародившийся образ одинокого человека в шляпе, а сделанное заранее фото, напоминало мельчайшие детали, ускользнувшие от моих глаз.

Разговор с синьором Армандо не выходил из головы. Слова профессора отчаянно боролись во мне с решимостью взять и сломать построенный собой же уклад спокойной и уединённой жизни. Я приехал с целью всё перевернуть с ног на голову и стать другим. Стать ближе к обществу, которое было чуждо мне. И я не знал, как поступить правильно. Откуда мне было знать, что бороться с самим собой, самое бессмысленное дело. Но я отчаянно боролся, каждый день, каждую минуту. Ради чего боролся? Я не знал.

В ту минуту я даже ни на секунду не допускал мысли, что девушка, занимавшая все мои мысли, смотрела на меня как-то по-особенному, именно потому что я несколько не был похож на тех, кто её окружал.

Следующее утро встретило меня запахом свежей выпечки, доносимой лёгким ветром из окна. Быстро собравшись и перекусив, я с полной сумкой необходимых для работы материалов, побежал в трагторию. Синьор Рикардо встретил меня радушно, часть зала предусмотрительно была освобождена для работы. Столики потеснили, а я ушёл с головой в создание пейзажа. Поначалу было несколько непривычно, стена всё же это не лист бумаги и не холст, но методом проб и ошибок я выяснил как наносить краску идеально. Моя фантазия увлекла меня в родную Тоскану, именно её прогретые солнцем земли я видел перед собой и рисовал их с тем же трепетом что и раньше, сидя в долине среди земляничных деревьев. Я забыл обо всём, о времени, о том, кто я, и где нахожусь.

Сквозь толщу звуков где-то совсем рядом раздался женский голос, все ближе и ближе, пробиваясь в сознание.

- Алессио, - наконец осознав, что зовут меня, я повернулся лицом к залу.

Передо мной стояла Альда, а рядом с ней молодой мужчина, очень хорошо одетый, с дорогими часами на руке. За секунду оглядев его с ног до головы, я вернул свой взгляд к девушке.

- Здравствуй, так вот где ты рисуешь, - девушка была рада меня видеть, в отличии от своего спутника. Он посмотрел на мои руки, вымазанные в краске, и с каким-то пренебрежением взглянул на мою работу, бросив взгляд за спину. Я кивнул и улыбнулся.

- Ах да, это Бруно, - повернувшись к мужчине Альда представила ему меня. Рукопожатия никакого не было, мужчина холодно кивнул и обратился к спутнице.

- Альда дорогая нам пора, ты опоздаешь на показ.

- Да ты прав, Алессио я очень рада была тебя увидеть. Обязательно зайду посмотреть, когда ты закончишь, - глаза девушки сияли и помахав мне рукой она ушла, слегка подталкиваемая в спину своим недовольным спутником.

Вернувшись обратно к своей работе, я попытался не думать о том, что только что увидел, но чувство неприязни к мужчине, который сопровождал Альду росло во мне как снежный ком. Настроение было безнадежно испорчено и весь оставшийся день я рисовал, сжав губы и стараясь подавить в себе чувство ревности. Как можно ревновать того, кто тебе не принадлежит? Оказывается, можно. На миг я захотел бросить всё и вернуться в Тоскану. Спрятаться, укрыться и забыть обо всём. Но я знал, что от себя самого не убежишь. Я вернусь на родную землю, таща за собой весь груз мучавших меня чувств. Они не оставят меня в покое.

Голова к вечеру стала совсем тяжёлой, невыносимая усталость от тревожных мыслей накрыла меня, прибивая к земле. Наскоро попрощавшись с хозяином ресторана, я вышел на улицу и быстрым шагом пошёл домой. От волнения я не испытывал чувства голода, несмотря на то что ел только утром.

Холодный душ остудил мое разгорячённое тело. Одев брюки и футболку, я взял рюкзак с инструментами и забыв закрыть дверь квартиры, вылетел на улицу. Ни секунды, не задумываясь куда и зачем иду, я оказался на площади у фонтана. Увидев свободное место у дерева, я достал складной стул, мольберт и краски. В задумчивости я стал осматривать площадь, выхватывая цепким взглядом из толпы что-то особенное. Мне нужны были эмоции, чувства, чтобы перекрыть собственную ничтожную и глупую черноту в душе. У фонтана сидела пожилая пара. Синьора, маленькая сгорбленная старушка с густыми седыми локонами держала за руку такого же белого как снег старика. Их руки слегка потряхивало, но они крепко держались друг за друга и кидали зерна птицам, кружащим у их ног. Робкая нежность, исходившая от этой пары, проникла в меня и стала успокаивать.

Встав со стула и сняв с себя шляпу, я подошёл к пожилым людям. На секунду я совершенно забыл, что не могу говорить, и вспомнил об этом когда увидел удивленные лица стариков, обращенные в мою сторону.

Быстро достал телефон, написал сообщение и показал его супругам.

- «Добрый вечер, я художник. И я очень бы хотел вас нарисовать, если позволите. Вы прекрасны. Меня зовут Алессио. Это совершенно бесплатно, я хочу сделать вам подарок».

Слегка шевеля губами, старики прочитали моё сообщение и посмотрели на меня. Женщина улыбнулась и замахала руками

- Ах мальчик мой, что в нас может быть интересного, мы обычные старики. Посмотри сколько вокруг молодых и красивых людей. Возьми хотя бы ту прекрасную девушку с розой в волосах. Нужно же рисовать что-то красивое.

Я с улыбкой смотрел на пожилую женщину.

Она не понимала, что настоящая красота условна и именно образ её и её мужа был красивее и утончённее всех, кто был на площади в этот вечер.

Получив поддержку в лице супруга пожилой женщины, я всё-таки добился своего, и пара села рядом со мной.

- "Не отвлекайтесь на меня, не нужно позировать. Сидите так же как и раньше, как будто меня здесь нет."

Синьора Лаура, как она представилась мне, засмущалась как молоденькая девушка. Её седые кудряшки слегка подрагивали от волнения, но ласковые объятия мужа успокоили женщину, и они вскоре перестали обращать на меня внимание, обнявшись и подставив лицо солнцу.

Я рисовал. И облако тепла, идущее от этих милых людей, укутало меня и накрыло спокойствием. Кажется, я нашёл своё лекарство на этот вечер. Солнце склонилось к земле, уличные фонари замигали и осветили улицу золотистым светом, оставляя на плитке длинные тени. Не заметив, как быстро пролетело время, я поднял голову и посмотрел на горящий горизонт.

- «Ваша картина готова, я надеюсь она принесёт вам удачу», - протягивая рисунок старикам, я поцеловал руку женщине и улыбнулся со всем теплом, которое испытывал к этим людям.

- Лаура, посмотри, как ты прекрасна. Молодой человек увидел в тебе то, чем я не устаю любоваться уже долгие годы, - старик обнял жену и поцеловал её в лоб.

- Спасибо вам Алессио, вы очень талантливый мальчик, - мужчина снова пожал мне руку, и обняв расчувствовавшуюся женщину, медленно повёл её прочь.

Наступала ночь, на душе стоял полный штиль. Думать не хотелось, я исчерпал лимит переживаний за сегодняшний день. Хотелось вкусной еды и крепкого сна.

Полюбившееся мне кафе встретило меня аппетитными запахами.

После ужина и пары бокалов хорошего вина я кое-как дошёл до дома. Усталость и переживания добились меня окончательно. Закрыв дверь квартиры и бросив рюкзак на пол, я, не раздеваясь упал на кровать и провалился в глубокий сон.

На утро голова была тяжёлой. Стоя под прохладными струями воды, я вспомнил странный сон, который увидел этой ночью. Как будто я сидел у озера в Тоскане и рисовал закат. Окуная кисть в краску, я наносил её на холст, но вместо краски по нему текла грязная вода, я снова брал краску и снова она исчезала. Страх и паника холодными руками сжали моё сердце. Я понял, что не могу ничего исправить, ничего не выходит. Я рисую, но холст по-прежнему пуст.

Растерев тело толстым махровым полотенцем, я накинул рубашку и джинсы, и, схватив сумку, вышел из квартиры. Я никогда особо не следил за модой, носил то что было удобно и не сковывало движения. Также и в людях я предпочитал разглядывать то, что было недоступно для обычного мимолётного взгляда. Внутренний мир порой казался дороже одежды, дорогих машин и драгоценностей. Наверняка многие сказали бы: «Конечно, зачем тебе думать об этом, у тебя всё есть». Да, все ищут причины поступков и слов окружающих их людей. Я не ищу. Мне вспомнился мужчина, сопровождавший Альду в ресторане. Его можно было назвать модником с большой буквы. Судя по одежде и манере держаться, он был из высшего общества и очень подходил девушке, и совсем не был похож на меня, и от этого осознания на душе было ещё тяжелее.

День был пасмурным и прохладным. На миг задумавшись, я вернулся обратно и взял картину на которой была изображена Альда у озера. Холст я вставил в старинную резную раму, купленную на блошином рынке. Как только подвернётся удобный случай, сразу же вручу ей подарок.

Весь следующий день я был занят росписью стен, в перерыве я слушал истории синьора Рикардо и пил кофе. По его настоятельному требованию я написал отцу о том, что trattoria в которой я работаю хотела бы закупать у них вина. Наше вино покорило гастрономический вкус синьора Рикардо. Он так и сказал: вино пахнет цветущими полями Тосканы и всенепременно должно подаваться в его ресторане. Родители очень обрадовались этой новости. Новые покупатели всегда на вес золота.

День пролетел незаметно, убрав рабочее место, я взял сумку с картиной и вышел на душную мостовую. По наэлектризованному влажному воздуху можно было понять, с неба вот-вот польётся вода. Идти домой не хотелось, и я направился на площадь Санта Мария. Моё излюб-

ленное место, с которого был виден каждый уголок площади и древняя церковь, которой уже не один век.

Вскоре ко мне подошла влюблённая пара. Молодой мужчина, держа за руку свою девушку, спросил меня, не мог бы я нарисовать её портрет. Не раздумывая, я согласился и усадив девушку рядом с собой, приступил к работе.

Тучи сгущались всё больше и больше, холодные брызги от фонтана, благодаря резкому ветру долетали даже до меня. Я торопился закончить картину, пока не начался ливень. Открытые плечи девушки покрылись мурашками и ветер трепал её длинные волосы, поднимая их вверх. Именно так я её и нарисовал, живую и продрогшую, но несущую в глазах жаркую страсть к своему любимому мужчине.

Портрет привёл в восторг влюблённую пару. Глаза мужчины загорелись, и он поднес руку девушки к своим губам и сказал:

- Я поставлю его в своей спальне, и просыпаясь буду видеть твоё лицо, - парень обнял девушку и взглянул на меня.

- Сколько с меня за эту работу?

Я, растерявшись на миг пожал плечами и нерешительно улыбнулся. О цене я как-то не подумал, да и вообще никогда не думал о ценности своих картин.

Мужчина достал портмоне и выудив пару купюр евро, вложил мне в руки.

- Спасибо вам дорогой художник, у вас золотые руки.

Сжимая рисунок, молодые люди направились прочь с площади, а резкие порывы ветра прорвались тяжёлыми ледяными каплями. Спрятав деньги в карман брюк, я собрал рюкзак и только собрался выйти на дорогу, как из-за угла на меня выскочила пара, девушка прикрывала голову мужским пиджаком, а мужчина держал её за талию.

Меня как будто парализовало. Это была она. Альда застыла на месте, как только увидела меня. Недовольный взгляд всё того же спутника сразу же был прикован к моему лицу. У меня не было времени и возможности что-то писать и показывая жестами, что очень рад её видеть, я достал из сумки картину и протянул её девушке.

Не совсем меня понимая, она взглянула на холст и побледнела, капли дождя скатились с её губ на подбородок.

- Что это такое? - увидев на картине лицо Альды, Бруно с еле скрываемой злостью и презрением на меня посмотрел.

- Когда ты успел её нарисовать? Почему я об этом не знаю? Альда, я не давал тебе разрешения связываться с уличным художником. Ты посмотри на него, одет чуть ли не в рванье. Что он вообще себе позволяет?

Альба побледневшими губами начала что-то шептать мужчине на ухо, видимо пытаясь его успокоить. Но мужчина завёлся ни на шутку, вырвав из её рук картину, он резким движением разорвал полотно и сломал раму, бросив мне под ноги. Я не смотрел на него, мои глаза были устремлены на лицо девушки, полное ужаса.

Бруно схватил Альду за руку и потащил за собой до виднеющегося неподалёку ресторана. Я стоял на том же месте, не двигаясь и смотрел им вслед. Вдруг девушка вырвалась из рук мужчины и бросилась ко мне. Пиджак от быстрого бега слетел с её плеч и упал в лужу. Бруно кинулся его поднимать, смотря вслед Альде и что-то крича ей.

Подбежав ко мне, она слегка присела и подняла разорванное полотно и с горечью посмотрела на меня.

- Это я во всём виновата, Алессио. Только я. Прости меня. Пожалуйста прости,- девушка начала быстро и сбивчиво говорить.

- Всё совсем не так как тебе показалось в Тоскане. Я не та, что ты видел там рядом с собой. Я боялась тебе сказать об этом. Боялась, что ты не поймёшь и осудишь меня. Ты же не такой как я. Ты свободный и счастливый. А я нет. За любое неверное слово меня непременно

осудят. Здесь нельзя так, меня не поймут. Но это не значит, что я не вижу какой ты, - губы девушки дрожали от холода, мокрые волосы тонкими плетями прилипли к лицу.

- Прости меня Алессио, - Она погладила меня по щеке и посмотрела мне в глаза, если бы ты знал какая я, ты бы не стал меня рисовать.

Альда резко развернулась и побежала, стук каблуков отдалялся, унося за собой её запах и тепло разгорячённого тела.

Мои руки упали мёртвыми плетями вдоль тела, разорванное полотно выскользнуло прямо в лужу под ногами. Я наклонился вниз, растерянно смотря как лицо девушки на картине темнеет, впитывая в себя грязную воду. Я чувствовал, будто эта грязь пропитывает меня насквозь, заливаясь чёрным ручьём прямо в сердце.

И без того узкая улица начала сжиматься вокруг меня и давить. Это походило на клетку, стремительно уменьшающуюся в размерах. В глазах всё плыло как будто по лицу бежали плотной стеной непролитые слёзы. Пошатываясь я шёл к дому, вода в ботинках хлюпала, но я не замечал ничего, мне было всё равно.

Первый раз в жизни я захотел напиться до беспамятства, что я и сделал. Не задумываясь ни на секунду, я свернул на полпути в поисках какого-нибудь заведения.

Совершенно мокрый я зашёл в винный бар за углом моего дома. В зале было много людей, шума и музыки. Подозвав официанта, я сел за дальний столик.

Поставив на столе бутылку вина, стакан и сырную нарезку, официант удалился, оставив меня одного. Я налил стакан до краёв и несколькими глотками его осушил. Затем налил ещё. Мне хотелось утопить заглушить боль, плескавшуюся во мне словно океан. Помутневшим взглядом я стал осматривать зал, который был почти полон людьми. В один миг я почувствовал на себе взгляд и повернулся. За соседним столом сидела девушка. Одета она была в довольно вызывающее, изумрудного цвета, платье, которое больше открывало тело, чем скрывало его. Тёмные волнистые волосы скреплены большой заколкой с камнями в виде птицы. Большие раскосые глаза без капли стеснения разглядывали меня. Я не отводил взгляд, смотрел на неё также открыто, как и она. Наконец отвернувшись от девушки, я налил новую порцию вина и взял с тарелки кусок сыра. Волосы постепенно высохли и завились спиралями, падая на лицо.

Уставившись немигающим взглядом на пустой стакан, я почувствовал, как стул рядом сдвинулся, и подняв глаза, увидел, как девушка, которая с таким упорством на меня смотрела, села рядом.

- Привет красавчик,- улыбнувшись, она подпёрла щеку рукой и полуприкрыв глаза, посмотрела на меня.

Я кивнул и жестом подозвав официанта, попросил у него ещё одну бутылку вина и второй стакан.

- Я наблюдала за тобой, ты мне понравился, что-то в тебе есть. Но ты здесь раньше не был, я бы тебя заметила.

Я жестами показал, что говорить с ней не могу.

Она поняла меня сразу и на языке глухонемых сказала, что это не проблема.

- «Я удивлён, откуда ты знаешь язык жестов?»

- Моя мать глухонемая, так что я прекрасно тебя понимаю.

Налив девушке вина, я откинулся на спинку стула и выдохнул.

- У тебя был тяжёлый день? Что-то случилось, я права? Не хочешь поделиться?

Я покачал головой и посмотрел ей в глаза.

- Ты находишься там, где люди отдыхают от своих проблем. Здесь спокойно можно поговорить со случайным собеседником и излить ему всё, что накопилось на душе. Наверяд-ли на утро кто-то вспомнит о том, что было сказано в этих стенах. - Девушка развела руками и оглядела зал.

Расскажи хоть что-то о себе, - глотнув вина, она откинула волосы назад и облизала красные губы.

Я молчал и пристально рассматривал обнажённые плечи девушки, внутри стало просыпаться горькое желание.

- Давай я расскажу о себе, может тогда тебе будет легче открыться, и ты поймёшь, что ничего сложного в этом нет, - девушка посмотрела на меня с еле уловимой насмешкой.

- Я пою в местном ресторанчике на площади у моста Сестио. Уже несколько лет, даже не помню точное количество времени. Не скажу, что это то, о чём я мечтала, но всё же деньги платят неплохие. Живу здесь, в Трастевере с глухонемой матерью и младшей сестрой, отец умер, когда я была ребёнком. Работать начала рано, еле концы с концами сводили. Семья не богата, поэтому живём в основном на то, что я заработаю. Нужно оплачивать лекарства матери и учёбу сестре. Как-то так, если вкратце.

Девушка сделала несколько глотков вина и замолчала

- А чем занимаешься ты?

- «Рисую, пишу картины.»

- Да? Это здорово, просто здорово. Люблю живопись. Но музыку всё же люблю больше.

- «Музыка и живопись это одно и то же, просто в разных формах. Все эмоции зарождаются в сердце, оттуда они выходят чистым материалом, а человек выражает их как умеет. Кто-то руками, кто-то глазами, а кто-то с помощью слов», - я устало потёр глаза, обнаружив что руки уже с большим трудом меня слушают.

Выпитая бутылка вина развязала мой язык, если в моем случае так можно было сказать, я уже подзабыл как это просто сидеть и о чем-то беседовать, людей знающих язык жестов встретить довольно тяжело.

- «Как-то я написал картину по музыке. Я сидел в комнате и слушал Моцарта, и в один момент меня накрыло волной таких сильных чувств, что я тут же сел за мольберт и начал рисовать. Мне кажется, это была самая быстро написанная картина из всех».

Глаза девушки восхищённо загорелись.

- И что же ты нарисовал?

- «Грозу, чёрное небо, напряжение, буйство.

- А почему ты здесь один? - девушка с интересом на меня посмотрела, медленно прожёвывая кусочек сыра.

- «Я всегда один».

- Мне кажется это нужно исправить, человек не должен быть один. Тем более всегда.

- «Я не хочу», - допив вино я посмотрел девушке в глаза и понял, что безумно пьян, пить я так и не научился.

Шум голосов, медленная музыка смешивалась с дымом и запахом пиццы. Красивое лицо девушки плыло в воздухе меняя свои очертания и смешивалось в моей голове с образом той, кого я пытался забыть...

Глава 11 Причина жить

На утро я понял, как бывает жестоко похмелье, в висках стучало отбойными молотками, да так что высекало искры из глаз. Сжимая голову руками, я сел на краю кровати и оглядел комнату. Пустые бутылки на полу говорили о том, что баром я вчера не ограничился. Я же не помнил ничего, за порогом квартиры обрывались последние воспоминания. Подойдя к мольберту, я окинул его взглядом. Холст был полностью облит чёрной краской. Повернув голову, я посмотрел на постель, в кровати раскинув руки в разные стороны лежала обнажённая девушка и тихо спала. Вот значит, как. Я пытался забыться всеми возможными способами. Жаль не вышло, моя память осталась со мной.

Захватив чистую одежду с полки, я пошёл в душ, только он мог привести меня в чувство и прочистить мозги.

Прохладная вода смыла с меня похмелье и освежила голову. В голове не было мыслей, совсем. Зачем я привёл её сюда? Что я хотел доказать? Какие бы планы вчера не созрели в моей пьяной голове, сейчас я чувствовал себя виноватым. И перед девушкой, и перед собой. Нет никакой разницы. Это чувство нахлынуло и сжало мне сердце.

Зайдя в комнату с полотенцем на плечах, я уставился на девушку.

Она наконец проснулась и смотрела на меня сонными глазами

- Выглядишь ты гораздо лучше чем вчера, как твоя голова?

- «Голова на месте, но болит как никогда не болела».

- Ты вчера пытался выпить всё вино, что было в баре, ещё и сюда взял, видишь бутылки на полу?

- «Вообще ничего не помню. Прости, а как тебя зовут?»

Девушка засмеялась,

- Ты совершенно не умеешь пить Алессио. Меня зовут Мария. Приятно познакомиться.

- «Мария, мне очень неловко за это всё, я надеюсь я ничего плохого тебе не сделал? Это не то, чем я занимаюсь обычно, я хочу, чтобы ты это знала. И мне надо сейчас собираться на работу, я и так прилично опоздал.»

Я не знал куда прятать свои глаза, девушка сидела на кровати полностью голая, и казалось её это совсем не смущало. Для меня это было дико и непривычно. Может быть потому что это вторая женщина в моей жизни, которая оказалась в моей постели. А может потому что я не помнил, как она здесь оказалась. В любом случае я хотел, чтобы она поскорее накинула на себя хоть что-то из одежды. Да она была безусловно очень красива, но пользоваться ей я не имел никакого права.

- Ночью тебя не смущала моя нагота. Ладно, не смотри так на меня, я быстро схожу в душ и можно выходить.

Собрав свою одежду с пола, девушка прошла мимо меня в ванну и захлопнула дверь.

Пока её не было, я оделся, собрал бутылки с пола, убрался в комнате и сварил кофе.

Распахнув окно, я посмотрел на улицу. Солнце светило ярко, освещая чистую влажную дорогу после ночного дождя. Как будто город помыли, и он теперь как новый. Если бы и себя внутри можно было так отмыть, до скрипа и блеска. Чтобы каждый день был как новая жизнь. Сейчас бы мне не помешала такая уборка.

- Ммм, как вкусно пахнет, - весёлый голос девушки раздался за моей спиной.

- «На столе кофе и булочки», - я посмотрел на девушку и выдохнул, теперь она выглядела гораздо лучше, то же зелёное платье, голые ноги без чулок, влажные волосы и ни капли макияжа на лице. Так она выглядела моложе и невиннее.

- «Тебе без макияжа гораздо лучше», - заметил я

- На самом деле я редко крашусь. Вчера у меня было выступление, после него я зашла в бар, в котором мы познакомились. На работе предпочитаю не пить. Не могу расслабиться.

На миг девушка замерла над чашкой и посмотрела на мольберт

- Тебе сегодня лучше? Когда мы пришли к тебе, ты был в ужасном состоянии. Мы просто сидели молча, а ты резко встал и начал рисовать, твоё лицо было таким, не знаю, как сказать. На тебя было больно смотреть. И я.. Я говорю это потому что вижу, что ты ничего не помнишь, и хочу внести какую-то ясность в то что произошло. Тебе было плохо, и я решила тебя отвлечь. Можно сказать, я тебя соблазнила. И... я несколько не жалею об этом.. Ты очень красив, я думаю ты и сам это знаешь, а ещё совершенно порядочен, что мне в диковинку. Так что ты ни в чём не виноват, не надо так думать.

Девушка нахмурилась и поставила пустую чашку на стол.

- И ты мне так и не сказал, что с тобой. Но ночью в постели ты думал явно не обо мне. Я надеюсь у тебя всё наладится Алессио. Все мы срываемся рано или поздно. Но это всего лишь передышка. Всё наладится.

Складывая кисти в рюкзак, я на мгновение замер. Из внутреннего кармана выпал платок, подаренный Альдой. Теперь он вызывал у меня странные чувства. Смесь боли и какого-то отчуждения. Я запихнул его обратно и подошёл к двери.

На улице Мария поторопилась со мной попрощаться. На её лице я увидел сожаление и лёгкую грусть.

- Я надеюсь мы ещё встретимся художник? Если будет время приходи к нам в ресторан, я для тебя спою.

Я взял руку девушки в свою и улыбнулся. Последнее время мне везло на хороших людей, и я подумал, что нашёл ещё одного друга в этом шумном городе. Хотя дружеское знакомство оказалось довольно странным.

Моя работа в ресторане подходила к концу. Рикардо, не смотря на переполненный зал, каждую свободную минуту подходил ко мне и рассматривал пейзаж на стене. По его лицу и довольной улыбке я видел, как ему нравилось то, что я сделал.

- Алессио, ты как раз успеваешь закончить к выходным. Я ничуть не жалею, что ты пришёл ко мне, все мои восторги только для тебя дорогой. И я хочу сказать ещё кое-что. Не знаю, замечал ты или нет, но хозяева соседних заведений приходили всю эту неделю и смотрели за твоей работой. Так что.. если у тебя есть время и желание, ты можешь продолжить расписывать стены. Такой талант не спрячешь. Не нужно быть ценителем великого, чтобы понять, как это красиво, у меня даже волосы шевелятся на затылке, - синьор Рикардо раскраснелся от нахлынувших чувств.

Да, пейзаж дышал жизнью. Я вырвал его из своего сердца. Это была моя родная земля, долина с золотыми дорогами, укутанная цветами и сверкающая гладь озера. Если Альда снова окажется здесь, она вспомнит это место. Это не было немым укором для неё. Может только воспоминанием. А я очень хотел, чтобы она помнила.

Синьор Рикардо долго и трепетно тряс мою руку. Заплатил очень хорошие деньги, ни капли не скупясь. Я даже и не рассчитывал, что меня так хорошо отблагодарят.

- Мой мальчик, ты здесь очень желанный гость, не забывай нас, приходи почаще, я буду только рад. Твой любимый столик всегда будет свободным для тебя. И новые картины приноси. Я ещё подумываю как мне украсить стену у окна, а то знаешь всё заставил вином, это конечно хорошо, но не очень оригинально. Тут почти в каждом ресторане так.

Купив продукты, я возвращался домой в задумчивости. Завтра мне нужно было появиться на ужине у синьора Армандо. Не принять приглашение было бы слишком неуважительно по отношению к учителю. Но я понимал, чего мне будет стоить сидеть за одним столом

с ней. Почему я не могу бороться с этим чувством? Почему любовь причиняет такую боль? Разве не бывает по-другому?

Запнувшись обо что-то, я уронил рюкзак и еле удержался на ногах. Из открытого подъезда двухэтажного дома торчали чьи-то ноги в коричневых потёртых ботинках. На секунду я подумал, что человек умер, подскочив к нему, я начал его трясти, схватив за полы пиджака. Это был пожилой мужчина, одетый в добротную одежду и с шляпой на голове. Он лежал, вытянув ноги и смотрел в потолок немигающим взглядом. Пульс в норме, сердце спокойно стучало. Что с ним не так?

- Ты чего в меня вцепился, отпусти. Не умер я, не умер. Хотя лучше бы было, если бы умер.

Мужчина кряхтя начал подниматься, я взял его за руку и помог встать. Он сел на крыльцо, небрежно отряхивая пиджак, достал из кармана портсигар и предложил мне сигарету. Я покачал головой и сел рядом.

- Погода сегодня хорошая да? Отличный день для того чтобы умереть, просто роскошный. Именно в такое чистое небо должна улетать душа, никаких тебе препятствий, – мужчина мечтательно говорил, покуривая сигару и даже не смотрел на меня, ему скорее было безразлично, слушают его или нет. Мне следовало идти дальше, но я как будто прирос к этому крыльцу и с любопытством смотрел на незнакомца.

- Моя жена умерла от рака в прошлом году. Совсем недолго болела. И наверно почти не мучилась, или я просто не хотел этого замечать. Она ведь всегда смотрела на меня с улыбкой и я внушал себе что все будет хорошо.. Перед тем как умереть она последний раз встала на ноги и полила свои любимые бегонии. Они воон там стоят, на балконе их видно, – старик показал пальцем на второй этаж.

- Мы же были с ней всю жизнь рядом, понимаешь? Всегда, каждый день. Совсем не разлучались. Дети выросли, разъехались. Теперь у них свои дети. У меня пятеро внуков, – гордость в голосе мужчины на секунду осветила его лицо улыбкой. - Пятьдесят лет назад мы венчались в церкви Санта-Мария-ин-Трастевере, в одной из самых старых церквей Рима. В тот день я поклялся, что никогда её не оставлю. Прошло пятьдесят лет, а я помню каждое слово, что тогда ей сказал. Моя дорогая Николетта.. Только что получается, – сигарета потухла и синьор подпёр голову рукой и посмотрел на меня. - Я не выполнил своего обещания, она где-то там, а я здесь. Я ведь обещал всегда быть рядом. Каждый день почти год я жду что небеса раскроются и заберут меня к моей дорогой жене. Каждый день, и ничего не происходит, – мужчина отбросил сигарету и посмотрел на меня.

- А знаешь, что? Я думаю, что это все из-за этих проклятых цветов, – старик снова показал пальцем на свой балкон. - Когда она умирала, последние её слова были о этих цветах. Она сказала: Лоренцо, ухаживай за бегониями, поливай их каждый день. Они не должны завянуть. И вот теперь я встаю по утрам, хотя засыпаю с надеждой, что не проснусь, и иду поливать эти проклятые цветы. Мне кажется это они меня держат здесь, – лицо старика стало таким печальным, что я еле сдержался чтобы не обнять его.

- Послушай, ты хороший парень, я вижу, – пожилой синьор схватил меня за руку и притянул меня ближе, наклонившись к моему уху.

- Ты можешь взять эти цветы себе? Ухаживать за ними, поливать. Они должны жить и цвести. Сделаешь это для меня?

Я достал телефон и написал несколько слов и показал старику.

- «Хорошо, я заберу ваши цветы. Только можно прежде я нарисую вас?»

Синьор посмотрел мне в глаза и его взгляд скользнул по моему рюкзаку, из которого выпали кисти.

- Так ты художник? Это хорошо, значит ты любишь красоту и цветы мои не выбросишь. Пойдём, поднимемся наверх.

Старик очень живо встал, как будто у него появилась очень важная цель, поднял свою шляпу и схватив меня за руку, повёл вслед за собой.

Дом, в котором проживал синьор Лоренцо был таким же старинным и пропахшим солнцем и плющом, как и все дома в этом районе. Они как грибы, выросшие на одной поляне, вскормленные солнечным светом и наполненные запахами Италии. Уютная квартира, потёртая, но все же красивая мебель, картины на стенах под пыльным стеклом, тяжёлые цветастые портьеры на окнах щедро распахнуты, выставя овалы на всеобщее обозрение. Между окнами на стене висит портрет женщины с белокурыми кудрями и маленьким вздёрнутым носом. Старик, прихрамывая вышел на балкон, и занёс цветок своей жены в большом жёлтом горшке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.